

СМЕНА

№ 5 МАРТ 1981

**ФОРМУЛА РАБОЧЕГО ДНЯ:
„МАСТЕРСТВО, ИНИЦИАТИВА,
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ!“**

ЖИЗНЕННАЯ Позиция Гражданственность

Более полутора лет — с № 17 «Смены» за 1979 год, со статьи слесаря Кима Андреева «Не хочу так работать» — ведется на страницах нашего журнала дискуссия под рубрикой: «Коллективный критический анализ: работа в тягость, работа в радость». Подчеркнем: анализ именно коллективный. В нем участвуют молодые рабочие, комсомольские работники, передовики и ветераны труда, руководители предприятий, учащиеся ПТУ, инженеры, журналисты, ученые, писатели... Обсуждены различные жизненно важные проблемы труда и нравственности, рабочего творчества и мировоззрения. Среди этих проблем: «Совесть как категория экономическая», «Новичок», «Бригада как образ жизни», «Дисциплина», «Профессионализм», «Инициатива» и ряд других. «Смена» наряду с целевыми статьями и корреспонденциями публиковала и отклики читателей (например, «Размышления о главном» № 16, 1980 г.) и ответы официальных лиц на критику (см. №№ 3, 5, 18, 1980 г.; № 1, 1981 г. и другие).

Сейчас, когда комсомольцы и молодежь страны изучают документы и решения XXVI съезда КПСС, настало время подвести первые итоги дискуссии.

Дело в том, что и прежде многие темы нам были подсказаны самим читателем — к нему, читателю, обращенные, они рождали все новые вопросы, которые и становились предметом каждого последующего разговора. Характерно, что тема нынешней подборки назревала от одной публикации журнала к другой по самой сути дискуссии.

Жизненная позиция! Без этой категории, то есть без учета отношения самой личности или даже коллектива к серьезным и острым проблемам труда, немислим плодотворный результат разговора, ибо их активность или, наоборот, инертность, их принципиальность, настойчивость в преодолении всевозможных трудностей и проблем или, напротив, равнодушие, нежелание взять на себя ответственность за порученное дело, — вот от чего, по заключению самих же читателей, во многом зависит, будет ли работа в тягость или в радость.

Формула — жизненная позиция — представляет нам одновременно и итоговой и... начальной для дальнейшего разговора о месте и роли каждого в социально-экономическом строительстве, в воспитании у молодого работника того отношения к труду и жизни, которое по праву можно назвать коммунистическим. Активность каждого — залог успеха всеобщего нашего дела в претворении в жизнь решений XXVI съезда КПСС.

Смена

Коллективный критический анализ: работа в тягость, работа в радость

**Вячеслав ЗИЛОТИН,
узловой диспетчер
комсомольско-молодежной
смены № 1
станции Ясиноватая
Донецкой
железной дороги**

Самым памятным событием последних лет, если хотите, нашей гордостью, для смены стало освоение параллельного отпуска вагонов. Еще недавно это казалось многим нереальным — разбирать столько составов. Сейчас, когда к такой работе попривыкли, порой приходится слышать:

— А чем тут, собственно, так уж гордиться? Была проведена реконструкция станции, построены новые объекты. Оборудование тоже новое. Да

ления трещали по всем швам. А главное, чувствуем: единомышленники нужны. Заговорили об этом на одном комсомольском собрании, причем как-то так разом — хором, что называется. И поручили нам с Ирой Романовой, комсоргом, заняться комплектованием смены молодыми.

Мы, естественно, — к руководству станции, в отдел кадров. Особых восторгов и одобрений не встретили. Разговоры каждый раз складывались одни и те же.

— А зачем, собственно, и что это даст?

Объясняем. А сами видим, что не убеждаем.

— Ладно, — принимались растолковывать уже нам. — Станете вы по возрасту действительно комсомольско-молодежной сменой. Но у нас такие перемены, у опытных людей головы, случается, кругом идут. А что же тогда у вас будет твориться, если вы столько молодых сразу наберете?

активные

еще автоматика понаставили где только можно. Работай в свое удовольствие. Так любой зарабатывает.

Но я-то помню другое.

Да, все это так — и реконструкция и автоматика. Еще можно прибавить ЭВМ, узловой вычислительный центр. Все это было. А легко не было.

Самые скромные прикидки до начала реконструкции, в каких темпах и масштабах теперь предстоит работать, действовали на многих попросту ошеломляюще. Причем на работников опытных, выдавших виды.

Одни просто не могли себе такую работу представить. За сомнениями других явно проступало настороженное опасение: «А смогу ли?» Были и такие, кому новые возможности оказались в принципе не по душе.

Но вот закончилась реконструкция. Пришла пора не прикидывать, а вплотную приниматься за освоение новых мощностей. Сразу стало ясно: усилий любознательных одиночек тут недостаточно. Тут коллектив нужен. Самостоятельно никто в смене, к примеру, высокой скорости отпуска не добьется — ни дежурный по горке, ни машинист. А вот если выдерживать заданную скорость будет стремиться каждый — включая составителей, регулировщиков скорости, короче, всю смену, — тогда другое дело.

Наша смена, хотя и числилась тогда комсомольско-молодежной, от других ни возрастом, ни составом не отличалась. Так уж считалось: дело такое, что молодежь не потянет. Тут без опыта и строгости не обойдешься. Вроде бы и верно все. Но время тогда наступило — многие старые представ-

Надо к этому прибавить, что довольно прохладно встретили нашу затею и многие опытные рабочие. В других сменах посмеивались: «Поперед бабки в пекло захотелось?» В нашей смене тоже ворчали недовольно: «Наберете зеленых — возись с ними. А работать кто будет?»

А мы все-таки держались своего. Не знаю, насколько мы убедили, насколько переупрямили руководство, но молодых к нам стали направлять. Выпускников ПТУ, вчерашних школьников, тех, кто не прижился в других сменах. И именно наша, уже действительно комсомольско-молодежная, смена первой освоила новую технологию переработки вагонопотока.

Почему именно она? Ведь опыта, умения больше было у других?

Представьте себе ситуацию. Опытный, все в своем хозяйстве знающий и умеющий маневровый диспетчер вдруг так вытаскивает состав в парк отправления, что «подрезает» все остальные пути. Хочешь — руками разводи, хочешь — за голову хватайся. И ведь обстановка позволяла сработать иначе. И все лишь потому, что действовал он машинально, как десятки, сотни раз до этого.

Освоение и нам далось нелегко, но у нас оно шло все-таки быстрее, чем у тех, кто оказался к работе по-новому внутренне не готов. Не говоря уже о тех, кто вынужден был работать по-новому через силу, не веря особенно в успех. А мы верили в него. Он был нужен нам.

Было у нас еще одно преимущество. Если хотите, незаслуженное. Многие

ОЗВИЩИЯ : XXV

ОСТЬ, ДЕЛОВИТОСТЬ, СЕРДЕЧНОСТЬ

СЪЕЗД КПСС

ребята еще так неважно умели работать по-старому, что им в общем-то незачем было переучиваться. А ведь немало людей ситуацию, когда ты вчера умел все, а сегодня как бы новичок, воспринимают и переносят очень болезненно.

Признаться, было время, перегибал я тут палку: считал, что технический прогресс — это для молодых. Поэтому-то так упрямо и набирал их в смену. Не только поэтому, конечно, но что было, то было. Сейчас вижу: без опытных наших мастеров мы бы еще долго в новом оборудовании разбирались.

Ведь еще шел монтаж, а наш лучший дежурный по горке, коммунист Владимир Афанасьевич Ландышев уже изучал новую аппаратуру. На него глядя и другие потянулись. Потом он же организовал несколько поездок на станции, где уже эксплуатировалась техника, подобная той, на которой предстояло работать нам. Рядом с Ландышевым первыми стали доби-

«Ничто так не возвышает личность, как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу, когда единство слова и дела становится повседневной нормой поведения. Выработать такую позицию — задача нравственного воспитания».

Из Отчетного доклада XXV съезду КПСС

ваться стабильных результатов бывшая телеграфистка Тамара Деревенец и вчерашняя школьница Марина Клименко. Да, собственно, каждого работника смены Ландышев чему-то научил — кого непосредственно делу, кого отношению к нему.

Теперь я убежден: не возраст — решающее обстоятельство. И не опыт, которым уже обладаешь. Сам человек.

Его подход к работе. Его не боязнь переработать, перетрудиться. То есть все просто: хочешь или не хочешь? И если действительно хочешь, накопленный в прежние годы опыт только поможет.

И тут необходимо — сразу! — внести уточнение. Желание, напор, решимость, уверенность в успехе — вещи серьезные, случается, и решающие, но

навстречу. Вот так, аргумент на аргумент, причина на причину, а там уже, глядишь, и отговорка на отговорку — возводится стена, которой человек отгораживается от дела, которое поначалу и хотел делать.

Поймите, я не за то, чтобы закрывать глаза на трудности, а за то, чтобы они не закрывали нам глаза на все остальное. И тогда видишь, что с ними надо бороться. Надо требовать, надо добиваться своего. Даже тогда, когда решение вопроса зависит не только от тебя.

Еще несколько месяцев назад наш узел был буквально забит задержанными вагонами. Что это за вагоны? Те, что поступили на узел без документов или с документами, неправильно

е начинают и вышгрывают

«А ты знаешь, что такое борьба?.. Это ведь не только стычка различных идей, различных точек зрения. В борьбу неодолимо вовлекаются человеческие судьбы, и линия фронта проходит через наши сердца. Сражаются армии, сражаются противоборствующие идейные лагеря, сражаются несогласные одна с другой группы, а гибнут, страдают, умирают и торжествуют люди, у каждого из которых лишь одно, и не железное, а живое сердце, больно откликающееся на все, что происходит вокруг».

Шараф РАШИДОВ,
«Сильнее бури»

«Что же дает людям удовлетворение, что заставляет их со всей добросовестностью, ответственностью исполнять изо дня в день одну и ту же работу, лишённую не только вдохновения, но и просто разнообразия?.. Характеры с новым содержанием героизма, где мерою служит не исключительный поступок, а каждодневность усилий, годы самоотверженного исполнения долга... Именно подобный труд героичен, ибо он исполнен в высокой степени чувством долга перед обществом, перед коллективом. Кто-то ведь должен».

Даниил ГРАНИН

не всегда. Часто мало захотеть сделать, надо еще и уметь взяться за дело. Вот Ландышев сумел. Но бывает и по-другому.

Решили в нашем локомотивном депо сделать движение машинистов, водящих тяжеловесные поезда, массовым. Искусству — а это самое настоящее искусство — водить поезда повышенного веса и длины стали обучать буквально все бригады разом. Люди действительно загорелись, а потом остывать стали. Оказалось, учеба учебой, а на практике же все иначе. И сделать движение большегрузных поездов широким и повсеместным непросто. И одного желания машинистов тут недостаточно. Нужно сотрудничество с движженцами, работниками путевого и вагонного хозяйств. Об этом не подумали. Начались взаимные упреки. Одни говорят, что движженцы редко формируют большегрузные поезда. Другие — что машинисты не очень-то стремятся их водить. Разное говорят. А важное дело застопорилось. И какое дело! Ведь увеличение среднего веса составов на всей сети дорог страны только на 100 тонн позволяет перевезти в год дополнительно около 140 миллионов тонн грузов. Вот ведь о чем, кивая друг на друга, забывать нельзя.

Хотелось, пробовали, да вот... То помешало, те не помогли, эти не пошли

оформленными. Для них отведен специальный путь, где они стоят, пока идут поиски документов. И они стоят. Иногда месяцами. Случается, оказываются среди них и вагоны, документация на которые поступила, да... затерялась в технической конторе. Некоторые операторы и знают об этом, но сидят тихо, делая вид, что им ничего не известно. Сами понимаете, искать эти документы можно долго. На эти же пути порой задвигают вагоны, получившие в дороге повреждения, — битые. Их перегружать следует, а их прячут с глаз долой. Стоят задержанные, а у заказчиков трещат сроки, горят планы. Все, конечно, понимали, что надо срочно разыскивать документы, перегружать битые вагоны. Понимали, что-то пытались делать, но лишь пытались. И так шло, пока задержанные вагоны не стали мешать работе всей станции. Вот тогда только и принялись за дело всерьез.

На постоянно действующем производственном совещании обсудили положение. Задержанными вагонами занялись не только операторы технических контор, бюро розыска, но и товарная контора, ее филиал, маневровые диспетчеры и дежурные по горке. Собственно, занялся этим делом весь коллектив станции. Число задержанных вагонов сразу пошло на убыль.

Наша обложка:
монтажница
рижского
завода ВЭФ
Жанна ШПАКОВА.

Фото
Сергея ВЕТРОВА.

- 1 КОЛЛЕКТИВНЫЙ КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ:
РАБОТА В ТЯГОСТЬ, РАБОТА В РАДОСТЬ.
«ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ:
ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ, ДЕЛОВИТОСТЬ,
СЕРДЕЧНОСТЬ».
- 5 РАБОЧАЯ ПОВЕСТЬ «СМЕНИ».
Александр РОГИНСКИЙ.
«ОТЦОВСКОЕ И СЫНОВНЕЕ».
- 8 Рассказ Валерия ПОВОЛЯЕВА «СЕВЕРНЫЕ СНЫ».
- 11 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Стихи югославского поэта Мирослава АНТИЧА.
- 12 ЭНЕРГЕТИКА — ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА.
Евгений РЯБЧИКОВ. «СОЛНЦЕ».
- 15 ПРОШУ СЛОВА!
Приглашаем к дискуссии «ДАЛЕКИЕ БЛИЗКИЕ».
- 16 Илья ВАЙС. «ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ «БАГГИ».
- 17 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
«ВОРОНЫЕ, РЫЖИЕ, ГНЕДЫЕ...».
- 18 А ЧТО У ВАС?
Информационная страница «Смены».
- 20 Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 24 Олег ИГНАТЬЕВ. «АПОЛЛО» ИДЕТ В ЧУЖИЕ ВОДЫ».
Документальная повесть.
- 28 Роман Сергея ВЫСОЦКОГО «СРЕДА ОБИТАНИЯ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответ-
ственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ,
В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

Но как-то особой гордости по поводу этого достижения никто не испытывал. Ведь до битвы с задержанными можно было просто не доводить. И это было действительно проще сделать. А вот поди ж ты! Почему же все-таки довели? Почему так долго никого не волновали расплывающиеся по путям стада задержанных? Считали: пусть голова у тех болит, кому за них отвечать положено? Считали. В последнее время что-то вообще появилось много «узких специалистов», кого, кроме персональных обязанностей, ничто не волнует. Они из принципа ни о чем больше думать не желают. На мой взгляд, несимпатичный, непродуктивный принцип. К тому же, когда со стороны помощь требуется, о нем как бы забывают на время.

Была и еще причина. Уважительная ли, судите сами. Поговорите с любым железнодорожником, и он вам расскажет, как грузополучатели оставляют в вагонах огромное количество ценнейшей продукции, не утруждая себя добросовестной выгрузкой. Вокруг станций зачастую скапливаются горы угля, леса, других материалов, выброшенных после очистки подвижного состава. Не знаешь, куда это забытое добро девать. И понимаете, что происходит? Вдруг оказывается, что, глядя на лес, который заказчик не удосужился выгрузить, довольно легко, видя задержанный сверх всяких сроков вагон с таким же лесом, убедить себя, что ничего страшного не происходит. И наоборот, зная, сколько у тебя на путях скопилось задержанных, можно спокойно воспринимать горы пропадающего добра вокруг станции, — все мы грешны. Замкнутый круг.

Свои грехи заставляют с «пониманием» относиться к грехам чужим. Чужие — не переживать о своих. И выходит, уже не ты сам, а они выбрали тебе позицию в том или ином деле. А ведь это унижительно.

Вот почему я считаю: врать такой круг надо. И начинать тут не с других следует, а с себя.

Второй год мы регулярно побеждаем в социалистическом соревновании. Радует победы, но... Ведь соревнуемся, по сути, только со сменой № 2, остальные привычно сзади. Как-то даже обидно за них. И помочь мы готовы: накопленный в смене опыт ни от кого не скрывается. И все же...

Не раз мы говорили об этом между собой, но так ни на чем и не остановились. А вот пришлось мне несколько раз выйти на работу в отстающих сменах — ситуация так складывалась, — вроде бы кое-что понял.

По моему, многих в этих сменах тормозит инерция того, начального, периода реконструкции, неверия в дело. Уж слишком долго они выжидали. Даром такое не проходит. Вот многие до сих пор и воспринимают новую технологию словно по принуждению, как навязанную им. Равнодушно, без интереса. И дело на такой подход отвечает.

Но ведь и сейчас есть куда идти. То, чего мы добились, вовсе не предел. К тому же горка и дальше будет оснащаться новейшим оборудованием. Смогут ли те, кто пока отстают, догнать лучших или будут так же передвигаться следом? Не знаю. Знаю только, что выбирать им нужно сейчас. Потому что в жизни мы обычно оказываемся на позициях, заранее подготовленных. И чтобы действительно переменить позицию, надо, чтобы сначала перемены произошли внутри.

А для этого нужно уметь взглянуть на свое дело, не ограничиваясь рамками обязанностей. Ведь пассажиров, производителей, ожидающих срочный груз, интересуют не персональные достижения каждого из нас. Им важно не то, какую сумел развить скорость машинист в каком-то участке или как быстро пропустил какой-то диспетчер состав на станции. Им

нужно, чтобы каждый поезд приходил вовремя.

Вот почему в условиях нашего соревнования после одного из собраний появился новый пункт, согласно которому нарушение графика пассажирского поезда разом перечеркивает все остальные достижения. Поверьте, пункт серьезный. Ведь премии мы получаем за переработку грузового вагонопотока. И находятся диспетчеры, которые к пассажирским поездам относятся как к чему-то только мешающему работать, то есть зарабатывать премиальные очки. К сожалению, вопрос с пассажирскими поездами, то поднимется волной во весь рост, то такой же волной откатится, выпадет из поля зрения. Наш пункт в условиях соревнования позволяет это колыхание утихомирить.

В работе с грузовыми поездами во главу угла поставлено формирование поездов повышенного веса и длины. Основной показатель, по которому определяется победитель среди маневровых бригад, — отношение числа тяжеловесов к общему числу сформированных поездов. Что это дало? За год наша смена отправила 670 поездов повышенного веса, в которых сверх нормы было перевезено 225 тысяч тонн грузов. Может быть, нагляднее будет так: для управления их потребовалось бы сформировать 62 полновесных, полносоставных поезда.

Но формировать тяжеловесов можно еще больше. На последнем сменном собрании маневровый диспетчер Виктор Левандовский и дежурный по станции Сергей Пузач говорили о том, что рамки отделения для этого дела тесны. Надо как-то приниматься за ликвидацию разобщенности с соседними отделениями. Чтобы не возникало ситуаций, когда одна станция принимает удлиненный состав, а соседняя отказывается и состав приходится дробить.

Все ближе был день открытия XXVI съезда КПСС. Комсомольско-молодежная смена нашей дороги двигалась навстречу съезду под лозунгом «Комсомольско-молодежному маршруту — ритм, скорость, качество!» Инициативу смены поддержал весь 19-тысячный отряд молодых железнодорожников, из которых 11 тысяч — комсомольцы. Шел напряженный поиск резервов увеличения веса и скорости движения поездов, сокращения простоев подвижного состава, высвобождения его для дополнительных перевозок. Только вся наша сквозная комсомольско-молодежная смена обязалась отправить дополнительно к плану 5 миллионов 900 тысяч тонн народнохозяйственных грузов. Высвободить за счет ускоренной переработки составов 26 тысяч вагонов.

Ритм. Скорость. Качество. За ними живые конкретные люди. Их воля, желание, энергия. За ними инициатива комсомольско-молодежной смены Ждановского отделения, возглавляемая Валерием Купцовым, которая обратилась к руководству дороги с просьбой повысить им нормы участковой и технической скорости. Почин комсомольцев из Дебальцево — «От стыка до станции погрузки плюс 100 километров к заданной скорости». Рекордные тяжеловесы комсомольско-молодежной колонны Чурносова из депо Родаково. Рационализаторские предложения бригады по обслуживанию технологической оснастки вагонного депо Красноармейска, руководимой Владимиром Чухно.

За ними активная жизненная позиция еще многих и многих ребят дороги. Это выигранный позиция. От нее выигрывают дело, государство, люди, для которых мы работаем. Это выигранный позиция и для нас самих. Потому что она глубоко нравственна. Потому что дает полное право чувствовать себя человеком, занимающим достойное место в нашей общественной жизни.

СМЕНА

Коллективный критический анализ: работа в тягость, работа в радость

МЫСЛИТЬ СЕРДЦЕМ

Виктор ШЕПЕЛЬ,
доктор философских наук,
профессор
Академии общественных наук
при ЦК КПСС

— Виктор Максимович, есть известная поговорка: «Сколько людей — столько и мнений». Наверное, точно так же можно сказать и «сколько людей — столько поступков». Я говорю о том, что в одной и той же ситуации действия людей могут быть прямо противоположными, а один и тот же жизненный факт может вызвать самые различные реакции. К примеру, в прошлом году на Калужском турбинном заводе я узнал, что один из лучших бригадиров, Виктор Чернов, перешел в отстающий цех и организовал новую комсомольско-молодежную бригаду. Отнеслись к этому по-разному: одни одобряли Чернова, вторые недоумевали, третьи подозревали какой-то подвох. Почему кто-то ищет где полёгче, кто-то, наоборот, где труднее, и почему оценивают это неодинаково?

— Действительно, как уловить в многогранной, многоликой жизни причины человеческих поступков? Хотя все люди неравнозначны, но есть в их поведении общее, определяющее начало. Психологи объясняют это духовным складом личности, ее мировоззренческими позициями. Мне думается, этого объяснения недостаточно. Дело не только в мировоззрении!

Вспомним слова Спинозы: «Обдумывая человеческие поступки, я всегда начинал не с того, чтобы смеяться, скорбеть или порицать, а с того, чтобы понять». В слове «понять» — широкий смысл, так как причин поступков очень много.

Психологический механизм человеческого познания социальной жизни условно можно представить в виде блоков: первый — практическое сознание, второй — теоретическое. Что такое практическое сознание? Оно формируется как результат личных впечатлений и простейших суждений, отражая наиболее близкие потребности и интересы человека. Теоретическое сознание — сложившиеся понятия и суждения личности, достигнутые на основе оценки полученной информации.

К сожалению, занимаясь воспитанием людей, мы нередко как бы забегаяем вперед, делая акцент на второй блок сознания, то есть убеждаем их делать и думать так, как нам нужно, а они в силу природных закономерностей познания делают так, как им хочется или может. Поэтому действия Чернова, перешагнувшего осознание своих близких потребностей и интересов, некоторым людям просто непонятны. О возможности подобного восприятия в свое время Герцен писал: «Люди думают, что достаточно доказать истину, как математическую теорему, чтобы ее приняли; что достаточно самому поверить, чтобы другие поверили. Выходит совсем иное: одни говорят одно, а другие слушают их и понимают другое, оттого, что их развитие разное». Вот мы и

дошли до причин неодинаковости поступков и суждений — оно в разности социальной зрелости людей, в уровнях развития их сознания.

Двадцать пятый съезд партии подчеркнул важность комплексного подхода к воспитательной работе: это ориентирует на предметное познание природы человеческой психики и тех ее механизмов, которые определяют социальное поведение. Наряду с обогащением теоретического сознания человека — дачи определенных знаний — надо учитывать его потребности и интересы, личностные возможности познания и, исходя из этого, направленно формировать его практическое сознание. В тесной взаимосвязи этих двух блоков сознания — гарантия определенности поведения людей, единства их слова и дела.

Мировоззрение — это компас для человека. Без него он беспомощен в жизни. Но подчеркнем, что мировоззрение — это система взглядов и убеждений. Однако нам недостаточно, чтобы человек умел правильно мыслить. Очень важно, чтобы он умел **мыслить сердцем**. При таком умении и возможно решение на самом серьезном уровне проблемы формирования его активной жизненной позиции. Такая позиция — не только подтверждение его знаний. Это проявление органической взаимосвязи знаний и чувств, определенность поведения личности.

И прежде всего это относится к молодежи, к организации ее воспитания.

— Что значит «мыслить сердцем»?

— Иногда у нас нет времени, чтобы спокойно подумать, взвесить, как поступить в том или ином случае. Часто ситуация требует мгновенной реакции: когда восстать против нечестности, когда поддержать хорошее дело. В таких случаях надо чувствовать, что называется, «нутром», а рассудочная или оценочная позиция может оказаться плохим советчиком.

При современном огромном наплыве информации, повышении спроса на умственные усилия человека в профессиональной деятельности в большом напряжении оказывается интеллект людей и в дефиците находятся эмоции и чувства. Более того, рациональный стиль воспитания стал характерен для семейного и школьного. Неудивительно, что дети и молодые люди умеют неплохо соображать, но не всегда способны проявить чуткость по отношению к старшим, грубоваты друг с другом. Вырастая, они порой еще более усугубляют свою эмоциональную ущербность. Исследования свидетельствуют, что сегодня около 80 процентов конфликтов в трудовых коллективах происходят из-за непонимания людьми друг друга, неумения войти в положение другого, поставить себя на его место.

Наши эмоции и чувства — огромное общественное достояние. Умение вызывать в человеке высшие чувства — необходимое условие воспитательной работы. И не только положительные эмоции. Не нужно, даже вредно ограждать человека от отрицательных переживаний. Они необходимы: мозг, наша нервная система нуждаются в напряжении, тренировке, закаливании в такой же степени, как мышцы.

Жизнь нередко предлагает возможность испытать свои нравственные силы. Но иногда бывает, что из-за пассивной позиции приносится, дискредитируется даже благородное дело. На одном тракторном заводе объявили комсомольско-молодежный субботник. Фактически же вместо субботника собрали с рабочими... по три рубля. Наверное, по отчетам все это выглядело как действительно проведенный рабочий день, на самом же деле представляло извращение идеи. Как такие действия выглядели в глазах рабочих, какой воспитательный эффект произвели? Нетрудно представить... Хуже всего то, что рабочие эти деньги вносили. Поступить, как все, не значит поступать хорошо. Многие здесь зависели от личности? Очень. Найдись человек решительный, способный открыто выступить против явного обмана — и подобного могло не случиться.

— Это особенно влияет на молодежь, тем более на подростков.

— Низкая моральная сопротивляемость негативным сторонам жизни — это вовсе не свидетельство наличия каких-то дурных качеств у молодого человека. Возьмем такой период его жизни, как 14—18 лет. Это период бурного роста самосознания, начала активной социальной деятельности. И этому периоду присущи многие противоречивые моменты. Например, подростки пытаются предвосхитить свое будущее, не задумываясь о средствах его достижения; их образы будущего отличаются тем, что зачастую они ориентированы на результат, а не на процесс его достижения. В этот период становления личности возможно противопоставление личных ожиданий общественному долгу. Как правило, из этого проистекает ранний скепсис, разочарование, равнодушие. Всего этого можно и нужно избежать, вовлекая ребят в активную трудовую деятельность.

Но это не должно быть «игрой в труд». Эффективное воспитание возможно только там, где школьные трудовые объединения действуют по взрослому принципу: самостоятельность, хозрасчет, рентабельность. Так это делается, например, в шестнадцатой школе Жигулевска. Здесь школьные мастерские — настоящее предприятие, выпускающее радиоаппаратуру на 200 тысяч рублей в год. Обычные школьные уроки превратились в школу труда, школу жизни.

Конечно, прежде чем требовать от личности, надо ей многое дать. Человек ведь не рождается плохим или хорошим — он таковым становится, это общеизвестная истина. Как же его следует развивать правильно, помочь выработать сопротивление негативному, верность идеалам? По Марксу, чтобы действовать с какими-либо шансами на успех, надо знать тот материал, на который собираешься воздействовать. Недостаточность этих знаний у тех, кто занимается воспитанием молодежи, и объясняет трудности, с которыми сталкиваются родители, учителя, наставники при формировании жизненной позиции у молодежи. Ясно, чтобы лучшее в человеке проявилось полнее, это лучшее надо развивать. Ошибочно предполагать, что наши общественные условия сами автоматически все сделают. Порой мы к современному молодому человеку подходим ста-

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Рисунок
Владимира ДЕЛБЫ

была понятна: ведь если на гугинской буровой газ с ревом выплеснется из-под земли, то он всю округу к чертовой матери разнесет, технику покалечит, людей изуродует, и понадобятся недели, а то и месяцы, чтобы загнать его обратно. Но вот какая вещь — ведь не имеет права Лукашин один, без страховки, выезжать в тундру, за это его запросто трактора лишит могут и перевести на должность чистильщика картошки либо продувщика макарон на кухне — и никто, даже товарищ начальник Виноградов, тогда не сумеет за Лукашина заступиться. А потом это же опасно — одному в тундре! Тут и заплутать можно, и трактор поломать, и в снегу увязнуть, и свирепые полярные волки могут напасть...

— Ты чего так долго его уговариваешь? — снова выкрикнул Метр-с-кепкой. — Пусть спать домой идет, либо к матери на Большую землю пусть летит.

«Ах ты, куриный дух! — заколотились звонкие молоточки у Лукашина в висках. — Надо ж, как разгавкался. — В груди у него взбунтовалось, закипело что-то несогласное, и он закрутил головою, словно конь, на которого напали слепни. — Ну, куриный бог, давит блох и курит папиросы. Ну, гриб поганый, попался бы ты где-нибудь на короткой пустынной дорожке, когда один на один разговоры можно вести, я бы живо псиную дурь из тебя выбил».

Лукашин вздохнул и, не зная еще, как он будет выполнять задание, как поедет один в тундру, тихо проговорил:

— Ладно, я повезу глину. — И добавил твердо, изгнав из голоса сипы и слабость: — И доведу. Будет она на гугинской буровой.

— Спасибо, — тихо произнес Виноградов. Помедлил малость, чего-то соображая, потом договорил все так же тихо: — От беды всю тундру отведешь. Давай тогда не мешкать. Готовь трактор, а я санями займусь. Глину грузить будем.

Через десять минут было разбужено полпоселка: забота, она ведь вмиг всех поднимает на ноги, а беда — и того быстрее.

Вышел Лукашин из виноградовского балка на улицу, в серые густые хвосты снега нырнул, а в ушах у него все еще полоскалось резкое, громкое:

— И ты думаешь, Виноградов, он докоряется? Не сдаст? Не пришлось бы тебе голову на плаху класть.

— Не придется, — зло пробурчал Лукашин, выплюнул изо рта снег, — докоряюсь! Назло докоряюсь!

Злость не самое лучшее подспорье в работе. Как и слепой азарт. Или стремление помочь всем и вся, за которым упускается дело собственное, к кому приставлен. В общем, работа требует к себе ровного, заинтересованного и, так сказать, постоянного отношения.

Чего только не передумаешь, когда находишься в дороге, кого только не переберешь по косточкам под звонкий, пионерский какой-то стук тракторного движка, поглядывая в залепленное снегом ветровое стекло на рыхлую белую материю, разрушаемую гусеницами! И детство вспомнишь и маманю свою, которая всегда видится Лукашину с аккумуляторной молочной крышечкой-махоткой в руках — давно уже умерла мать, а все вспоминается, все блазнится она. Отец ушел из жизни еще раньше — погиб на фронте, когда Тулу от Гитлера оборонял. Лукашин пацаном еще в ту пору был, в третий класс ходил, и не запомнил он отца совсем, выветрился батя из памяти — вот ведь какая жестокая вещь.

Перед радиатором трактора что-то мелькнуло — то ли снеговой хвост, то ли разбуженный песец отпрыгнул в сторону. Лукашин быстрым движением руки сбросил газ, почувствовал, как сзади, за кабиной, заскрипело что-то тяжелое — это на трактор навалились сани, груженные глиной. Лукашин поморщился, будто ему, а не мощной железной машине было тяжело, потянулся, протирая стекло ладонью, — что там? Вглядываясь в чистый, не залепленный снегом пятячок стекла. Ничего. Почудилось, видать.

И вновь потянулась дорога. Впрочем, какая там дорога — нетореная целина, по которой и нога-то человеческая ступала, может быть, один раз в десять лет. Тундра. Ровное, промерзшее и засыпанное снегом поле.

Пурга тем временем все усиливалась и усиливалась. Если раньше Лукашин мог хоть что-то разглядеть в ветровом стекле: между снеговыми наслоениями были видны чистые участки, пятячки, в которые тундра просматривалась метров на двенадцать — пятнадцать, — то сейчас и эти пятячки залепило, и Лукашин стучал кулаком по стеклу, чтобы сбить налип, но даже если ему и удавалось это сделать, все равно ни шута не было видно. Снег стегнулся, сделался плотным, фары трактора упирались в него, как в стенку.

Хорошо, что хоть тундра тут ровная, как бильярдный стол, шары по ней гонять без запинки можно, ни обо что не споткнутся, так что совсем неважно, пробита сквозь тундру дорога или нет. Тундра, она как степь. И снега тут никогда много не бывает — все время ветер его подгребают, уносит на материк.

Неожиданно сильно, с напором взвыл ветер, надавил на кабину так, что заглушил звяканье и стук мотора. Затрещали, запели тонко металлические переборки, перекрытия, стояки. Лукашину сделалось тревожно.

А вдруг он заплутает? Ведь заблудиться в этой воющей страшной тундре ничего не стоит, зарубок и отметок тут почти никаких. Направление одно — двигаться на север, строго на север. В пятнадцати километрах от гугинской буровой он должен натолкнуться на столбы электропередач — пока еще не оснащенные, без проводов, их тянули осенью в тундре и остановились на полдороге — помешали холода и вьюги. Столбы эти прямо в бригаду и приведут. Да потом и сам Лукашин не вчера на свет родился — дорогу он знает.

Снова где-то рядом ахнул взрыв ветра, будто лопнуло пушечное ядро, снеговой заряд потряс кабину, заставил застонать металлические суставы ее.

Лукашин покрутил головою: н-нет, подлюга, не возьмешь, не одолеешь, все равно до гугинской буровой доползу, все равно. Он сделал перегазовку и двинулся дальше.

Неожиданно на память пришел разговор с виноградовским заместителем крикуном Поседко, и Лукашин почувствовал, как скулы у него наливаются чем-то горячим, а внутри, тесня грудь, рождается злость. Конечно, Поседко не совсем нормальный человек — закомплексованный он, рост-то вон какой, метр с кепкой, а честолюбия отпущено на двухметрового гиганта, вот отсюда и берет исток химическая реакция, ножницы эти и рождают злость.

Проехавшись таким образом по Поседко, Лукашин успокоился.

И вдруг увидел, что перед радиатором трактора возникли три черные точки, испугался: а вдруг полярный медведь, нельзя давить зверюгу — отвернул в сторону. Три черные точки исчезли. Невольно вспомнилась одна история.

На их полуострове, на самой северной точке, у бровки океана стоит поселок. Небольшой — засыпушек тридцать всего. А в полукилометре от поселка, подле аэродрома, которым снабжается не только поселок, а и весь Северный морской ледовитый путь — склады. Там же, у складских барачков, — магазины, продуктовый и промтоварный. От поселка к складам ведет дорога, по ней ходят люди, ходят машины — в общем, она наезженная. И вот какая вещь — на этой дороге стали появляться белые медведи. Подстерегали людей, когда те шли с продуктами, отнимали у них авоськи с маслом и говяжьей тушенкой и уходили в тундру. Тех, кто шел без продуктов, не трогали. А разглядеть полярных медведей в серой слепой мгле полярной ночи было чрезвычайно трудно: они будто были растворены в воздухе — невидимки, и только. Распознают медведей здесь по трем черным движущимся точкам — носу и глазам. Когда в невесомости, в серой крупно остекленного полярного воздуха перемещаются три черные точки — значит, берегись — следом идет медведь. Морду зверь поднял, глазами стреляет в спину, нос настороже держит.

Но самое поразительное: медведи знали, что их выдадут нос и глаза, и стоило человеку с лаковой продуктовой авоськой замедлить ход, оглянуться, как медведи тут же замирали и прикрывали лапой глаза и нос. Честное слово.

Но белые медведи там, на севере полуострова, у океана, водятся, сюда же, в глубину тундры, они не забредают, здесь им делать нечего. Так что три черные точки просто примерещились Лукашину, приблизились.

Евгений РЯБЧИКОВ

На лесной полянке группа молодых ребят готовилась к чаепитию. Они сидели... По привычке я едва не сказал «у костра». Но костра не было. Чайник стоял на какой-то треноге, довольно простой по конструкции. Прошло несколько минут, и над кружкой закружил парок. Чай у нас часто называют солнечным напитком, но на сей раз это отнюдь не метафора. Молодые ученые из Государственного энергетического института имени Г. М. Кржижановского разработали немало образцов солнечных кухонь и печей, многие из которых уже успешно используются в народном хозяйстве.

Я молча прихватывал обжигающий напиток, приготовленный в необычной печи, и вспоминал все, что знаю о нашем добром и могущественном Солнце, заворожившем меня еще в раннем детстве.

В один из вечеров я увидел отца за каким-то странным занятием: он коптил над керосиновой лампой кусочки битого оконного стекла. В ответ на мои расспросы он только хитро улыбнулся: «Разбужу тебя пораньше, тогда и узнаешь».

Было еще темно, когда мы тихонько, чтобы не разбудить сестренку, ушли на Волгу.

В ночном белесом тумане не было видно ни белян, ни расшив, ни буксиров, только светились на мачтах фонари да на волнах покачивались огоньки бакенов. Подняв голову и закинув за спину руки, отец принялся рассматривать усеянное золотистыми точками небо. Он любил звезды и мог часами рассказывать о созвездии Тельца, о загадочной Андромеде и всем советовать: «Смотрите на звезды! Они зовут и учат, заставляют думать о самом важном — о Вселенной и о месте в ней человека».

Любуясь испещренным золотистыми огоньками небом, отец задумчиво сказал: «Сейчас увидишь самую близкую к нам звезду».

За приречными лесами, за дымчатой далью горизонта с величавой медлительностью выглянуло Солнце. Собственно, это еще было не само светило, а всего лишь его огненная горбушка, но сразу стали таять густые сумеречные тени. Из невидимости ночи появились на Волге буксиры и беляны. Солнце поднималось все выше, становясь то пурпурным, то алым, то янтарным, пока не превратилось в ярко-пламенный диск.

Отец протянул мне кусочек закопченного оконного стекла, оно тотчас сотворило чудо: я увидел нависший над Землей огромный огнедышащий шар, прекрасный и страшный...

— В далекой древности египтяне называли Солнце Ра, — едва ли не шепотом, чтобы не спугнуть мой восторг, рассказал мне отец. — Греки и римляне называли его Гелиосом и Аполлоном, а славяне именовали всемогущим богом Ярило.

Моя мальчишеская душа, так мало знавшая о жизни, вдруг выпорхнула за пределы не только берегов Волги, но улетела за пределы пределов — в великую и неразгаданную тайну мироздания. Совет отца «глядеть на звезды и думать о Солнце» привел меня позднее в астрономическую башню нижегородской обсерватории. Мой школьный товарищ Борис Кукаркин, впоследствии известный астроном, член-корреспондент Академии наук СССР, а тогда еще тощий, очкастый паренек, предложил мне заглянуть в настоящий телескоп. Луна и Марс предстали в таких масштабах, что я просто ахнул. Но подлинное потрясение ждало меня, когда увидел огненно-красное, раскаленное до неистовой яркости, все в гребнях пламенных протуберанцев светило. Казалось, беззвучные грандиозные пожары на Солнце должны были метнуться к Земле и все на ней испепелить.

А потом мне посчастливилось тихим утром подняться по узкой и крутой лестнице в светелку старого калужского дома над Окой и увидеть сидевшего в глубокой задумчивости Константина Эдуардовича Циолковского. Из-под железных очков на меня смотрели глаза гения. Беседа с Циолковским унесла меня с Земли в вечные и бесконечные звездные простран-

ства. Деловито, словно архитектор Вселенной, Циолковский говорил о небесных телах и добавлял к ним будущие внеземные города, заселенные людьми, — «эфирные острова», их космические заводы и научные лаборатории.

— Люди будущего, — уверенно произнес Константин Эдуардович, — расселяясь по всей Солнечной системе, будут купаться в лучах Солнца и иметь в своем распоряжении изобилие его лучистой энергии.

Удивительно, как точно и деловито распоряжался небесными телами Циолковский, и Солнце было для него отнюдь не божеством, а мощным источником энергии, индустриальной основой будущей космической цивилизации.

Друг и единомышленник Циолковского, Александр Леонидович Чижевский (1897—1964), с юных лет увлекся изучением Солнца. Еще в 1915 году он выступил с докладом «Периодическое влияние Солнца на биосферу Земли». Он высказал смелую, казавшуюся тогда невероятной мысль, что «...человек и микроб — существа не только земные, но и космические».

Александр Леонидович создал новую науку — гелиобиологию. Он организовал первую на планете службу защиты людей от пагубного воздействия солнечной радиации.

Прежде чем продолжать рассказ об исследованиях Солнца, нужно хотя бы вкратце дать общие сведения о нем. Трудно, конечно, представить себе «нашу» Галактику среди множества галактик Вселенной, а в ней, заполненной миллионами звезд, как бы на ее «краю», во всяком случае, на огромном расстоянии в 30 000 световых лет от центра, «наше» Солнце. По астрономическим масштабам это совсем небольшая звезда класса «желтый карлик». Но этот «карлик» в 330 000 раз массивнее Земли, диаметр его равен примерно 1 392 000 километров.

По нашим земным понятиям Солнце находится от нас очень далеко — примерно в 150 миллионах километров. Свет, как известно, распространяющийся со скоростью 300 000 километров в секунду, прибывает к нам от Солнца через восемь с небольшим минут.

Таковы масштабы.

Что же представляет собой само Солнце? Как и другие звезды, это раскаленный плазменный шар, состоящий из водорода — 82 процента и гелия — 17 процентов. Все остальные элементы составляют в нем всего лишь 1 процент. По современным представлениям, внутри Солнца существует область высокого давления, где температура достигает 15—20 миллионов градусов. Она настолько велика, что вещество не может сохранять свою упорядоченную структуру из атомов и молекул и становится плазмой. Внутри Солнца происходит бесконечная термоядерная реакция, и, по сути дела, Солнце — не что иное, как непрерывно взрывающиеся миллионы водородных бомб, только, к счастью, несущие нам не гибель, а свет, тепло, жизнь.

С Земли видна лишь светящаяся поверхность светила — фотосфера, температура которой достигает 6000 градусов. Вокруг нее образуется тонкая газообразная масса — хромосфера. В свою очередь, она окружена еще более тонким слоем газообразной массы, именуемой короной Солнца.

По расчетам ученых, Солнце возникло около 4,7 миллиарда лет тому назад, а наша Земля — примерно 4,6 миллиарда лет, так что они по астрономическим меркам едва ли не ровесники.

Пятна на Солнце, обнаруженные Галилеем, действительно существуют, и их появление оказывает подчас трагическое влияние на земную жизнь. Более 200 лет назад английский астроном Вильгельм Гершель обратил внимание на то, что каждые одиннадцать лет регулярно повышались в стране цены на зерно и овечью шерсть. Астроном принялся изучать состояние хлебов и результаты стрижки овец и установил: через каждые одиннадцать лет, когда появляются на Солнце пятна, Землю мучают засухи, падают урожаи, происходит падеж скота. Следовательно, появление пятен на Солнце чередуется примерно через одиннадцать лет, и пятна имеют прямое воздействие на земную жизнь.

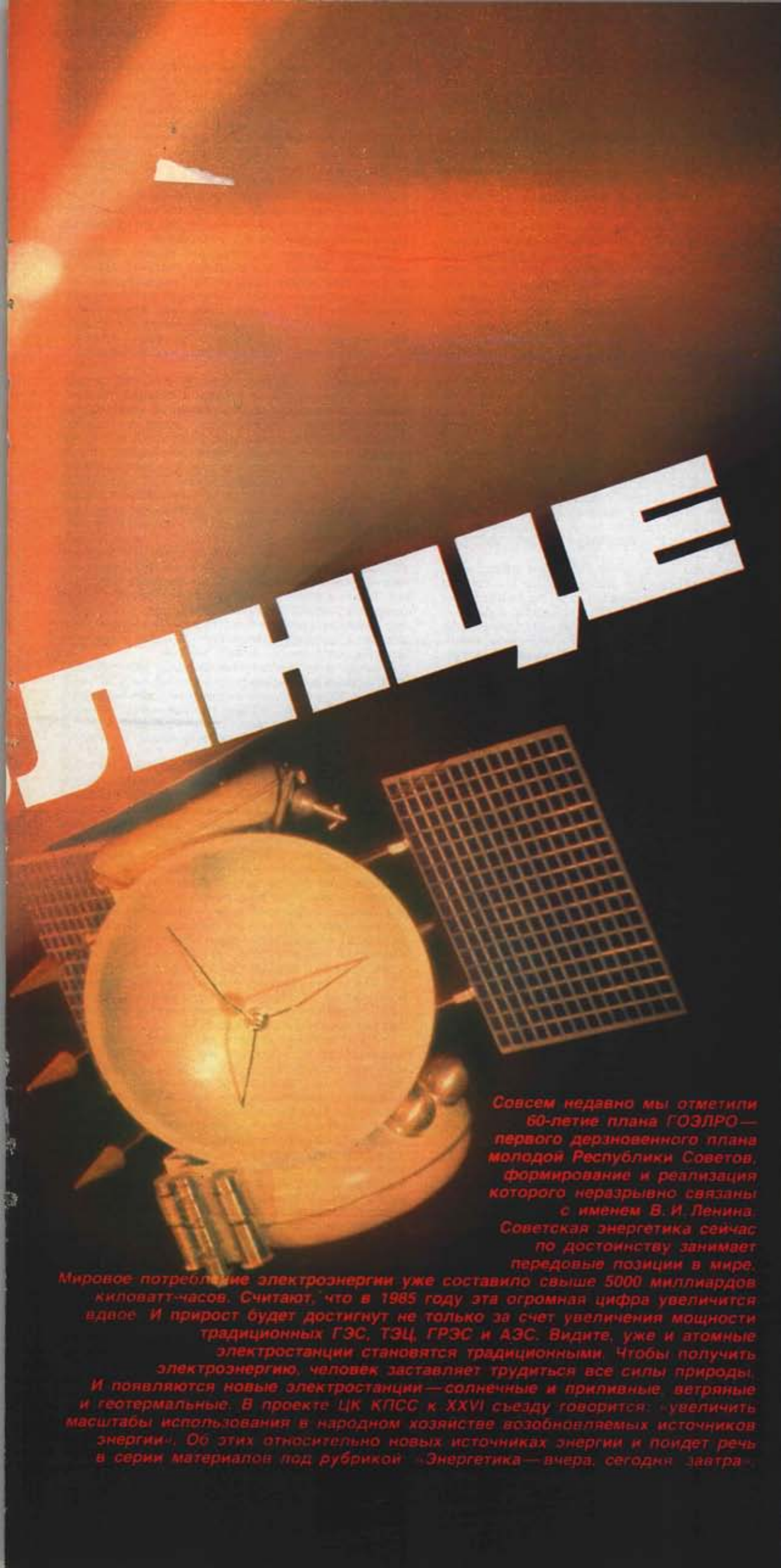
Моя встреча с Александром Леонидовичем Чижевским и началась с разговора о солнечных пятнах. Собрав огромное количество фактов нарушений жизненных процессов на Земле в период возмущений на Солнце, ученый установил закономерности в прямых солнечно-земных связях, их непосредственное воздействие на жизнь и здоровье людей. Он доказал, что многие эпидемические заболевания, их начало, развитие и окончание ритмически следуют за солнечной активностью. В 1928 году ученый открыл влияние циклической деятельности Солнца на частоту инфарктов и инсультов. Все это привело к тому, что, заложив основы новой науки — гелиобиологии, А. Л. Чижевский поставил вопрос об организации медицинской службы Солнца. «Часовые Солнца» должны, по мысли ученого, заранее оповещать людей о приближающихся возмущениях на Солнце, давать рекомендации врачам и больным.

Взаимосвязи Человека и Солнца стали основной

*Энергетика —
вчера, сегодня, завтра*

100

**СТАНУТ ЛИ
СОЛНЕЧНЫЕ ЛУЧИ,
ДАВШИЕ ЖИЗНЬ НА ЗЕМЛЕ,
МОЩНЫМ ИСТОЧНИКОМ
ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ
ЭНЕРГИИ?**

Совсем недавно мы отметили 60-летие плана ГОЗЛРО — первого дерзновенного плана молодой Республики Советов, формирование и реализация которого неразрывно связаны с именем В. И. Ленина.

Советская энергетика сейчас по достоинству занимает передовые позиции в мире.

Мировое потребление электроэнергии уже составило свыше 5000 миллиардов киловатт-часов. Считают, что в 1985 году эта огромная цифра увеличится вдвое. И прирост будет достигнут не только за счет увеличения мощности традиционных ГЭС, ТЭЦ, ГРЭС и АЭС. Видите, уже и атомные электростанции становятся традиционными. Чтобы получить электроэнергию, человек заставляет трудиться все силы природы.

И появляются новые электростанции — солнечные и приливные, ветряные и геотермальные. В проекте ЦК КПСС к XXVI съезду говорится: «увеличить масштабы использования в народном хозяйстве возобновляемых источников энергии». Об этих относительно новых источниках энергии и пойдет речь в серии материалов под рубрикой «Энергетика — вчера, сегодня, завтра».

темой 104 научных работ А. Л. Чижевского. Он утверждал: «Солнце правит Землею» — и делал вывод: «Жизнь в значительно большей степени есть явление космическое, чем земное».

Мечты, проекты и планы А. Л. Чижевского о создании «солнечной медицины», «солнечной генетики», о введении «солнечных прогнозов» стали теперь реальностью. Еще в предвоенные годы в Ленинграде возник новый раздел биологии — фотобиология, занимающаяся исследованием воздействия света на организм и его роли в жизни растений, животных и человека. Начальные работы велись особенно интенсивно в стенах Института цитологии Академии наук СССР и тесно связаны с исследованиями члена-корреспондента АН СССР Дмитрия Николаевича Насонова и профессора Владимира Яковлевича Александрова.

Со временем острые проблемы охраны окружающей среды, грозные удары энергетического кризиса, потрясшего народы и страны, бурное развитие космонавтики и многое другое потребовали всестороннего изучения Солнца для широкого использования его энергии как в промышленности, так и в быту, и создания комплекса защитных мер от его пагубного воздействия. Теперь Солнце находится под строгим и неусыпным надзором сети специальных обсерваторий, расположенных по всей планете.

Большое внимание уделяется изучению светила и в нашей стране, тем более, что над ней никогда не заходит Солнце. Едва показывается светило над Дальним Востоком, как оно тотчас оказывается в сфере внимания астрономических инструментов, установленных на сопке недалеко от Уссурийска, — там действует самая восточная в СССР «Уссурийская станция службы Солнца». Сведения от этой станции, как и результаты наблюдений всех 16 специализированных «солнечных обсерваторий» страны, поступают в Москву, где немедленно используются при составлении общего «солнечного прогноза».

Среди «часовых Солнца» особо важное место занимает Крымская астрофизическая обсерватория Академии наук СССР, которой руководит академик Андрей Борисович Северный. Он и предложил мне посмотреть в «солнечный телескоп». Взглянул я — и все дрогнуло во мне: совсем рядом кипела бушующим огнем, плескалась жгучим пламенем, вся в сдвигающихся и обрушивающихся вулканах, полная текущей слепящей лавы, вздыбленная поверхность светила. До огненного варева, до неистового багрового ада почти 150 миллионов километров, а казалось, огонь хлещет в лицо. И подумал я тогда: вот год за годом, миллионы и миллиарды лет Солнце «работает», выбрасывает в космос гигантское количество энергии, из которой лишь двухмиллиардная часть достается Земле. А эта «часть» — 40 триллионов килокалорий тепла каждую секунду. И каждую секунду Солнце теряет в своей массе 43 килограмма. Естественно, у меня появилось щемящее чувство тревоги: а не наступит ли угасание, а затем и смерть Солнца? Надолго ли хватит его тепла и света для Земли?

К подобным тревожным вопросам астрофизики привыкли. С уверенностью оптимистов они ответили: Солнце непрерывно светит в течение миллиардов лет и за это время потеряло в своей массе всего лишь около 0,07 процента. Это означает, что оно будет непрерывно действовать еще десятки миллиардов лет.

За последнее время в исследованиях Солнца четко определились два основных направления: во-первых, как использовать его живительную бесплатную энергию в народном хозяйстве и в быту; во-вторых, как надежно защитить человека и все живое от губительного воздействия лучевой энергии. Первое направление имеет большую историю. Еще в Древней Греции и в Древнем Риме две с половиной тысячи лет назад солнечная энергия использовалась для обогрева жилых домов и оранжерей. Вызвано это было «энергетическим» кризисом той поры: в результате хищнического истребления лесов не стало хватать дров, и нужда заставила так строить дома, чтобы в зимнее время на них падало как можно больше солнечного тепла. Древнегреческий драматург Эсхил писал: цивилизованные народы тем и отличаются от варваров, что их дома «обращены лицом к Солнцу».

В минувших веках известно было свойство линз и вогнутых зеркал собирать солнечные лучи в фокус. Используя зажигательные стекла, весталки добывали священный огонь в Древнем Риме на жертвенниках у храма Весты. Существует легенда, по которой великий Архимед с помощью зеркал сжег римский флот, осаждавший Сиракузы.

В эпоху раннего средневековья ученые Средней Азии тоже знали, как можно с помощью линз собирать в одной точке лучи Солнца. Бируни и его не менее известный современник Ибн-Сина были знакомы с фокусирующим свойством линз и зеркал. Гениальный русский ученый М. В. Ломоносов представил в 1741 году в Петербургскую Академию наук доклад о воз-

приглашаем к дискуссии

«ДАЛЕКИЕ БЛИЗКИЕ»

Задумывались ли вы, читатель, насколько прочны ваши рождественские связи и связи окружающих вас близких и знакомых людей? Почему родные люди — мать с сыном, сестра с братом, даже живущие в одном городе, — становятся иногда далекими друг другу, а то и чуть ли не чужими? В какой степени оказывает влияние на нашу личную жизнь, на рождественские взаимоотношения цивилизация? Такие вопросы все чаще и чаще приносят нам редакционная почта.

Рождественские, кровные узы — непреходящее людское богатство. Любое нарушение этих уз ранит душу человека. Конфликт, в результате которого родные люди становятся далекими друг другу, вносит дисгармонию во внутренний мир личности. А это уже не может не касаться общества в целом.

Для начала дискуссии мы выбрали из нашей почты письмо жительницы Подмосковья А. С. Квасовой. Давайте попробуем вместе разобраться в тех жизненных коллизиях, о которых пишет читательница.

Уважаемая редакция!

Хотя я и не молодая — скоро начну заниматься оформлением пенсии, — решила написать вам в надежде, что вы поймете мое состояние. Недавно я тяжело болела, даже пришлось полежать в больнице. О многом передумала за время болезни. Сначала к думам примешивалась душевная боль, а потом тревога. Дело в том, что у меня есть племянник Сережа. Живет он в Москве, и о том, что я попала в больницу, мои соседи сразу сообщили ему по телефону. Шли дни, а он все не приезжал, хотя электричка к нам из Москвы идет 45 минут — меньше, чем он тратит времени на дорогу из дома в свой институт. Обидно мне было до слез, но я подумала, что, может, у него самого какие-то неприятности на работе или в семье. Выписалась и сразу же позвонила ему. — У меня все в порядке, — ответил племянник бодрым голосом. — Вы уж не обижайтесь, что не навещил вас, просто столько дел, что времени на все не хватает.

Вот так. А ведь я фактически вырастила его. Мать Сергея, моя сестра Катерина, по роду своей работы часто бывала в отъездах, и мне приходилось брать к себе мальчика: и кормить, и стирать ему, и уроки вместе делать... Теперь он вырос, обзавелся семьей, и мне хочется от него не признательности за эту помощь ждать, а только простого человеческого внимания. Ведь родственники же... Вспомнила о своей обиде и поневоле задумалась о рождественных взаимоотношениях и связях близких, знакомых людей.

Вот у Сережи я — единственная родственница, живущая недалеко от него. А с тех пор, как пришел из армии (сейчас ему тридцать лет), сколько раз был он у меня? По пальцам можно пересчитать; и приезжал-то в основном так, по нужде: один раз денег попросил взаймы, другой — с товарищами по дороге на рыбалку. Я, правда, когда есть время и силы, езжу к нему. У него двое детишек, и я люблю их, как своих родных. Приглашать он сам особенно не приглашает, ну, а я боюсь быть навязчивой. Может, я чем-то ему надоедаю, допекаю советами да наставлениями? Нет, кажется, в его семейную жизнь я не вмешиваюсь. Только чувствую, нет у него ко мне душевного тепла, родственных чувств. Но ведь и по отношению к другим родственникам Сережа такой же. У него есть в Чернигове дядя по отцу.

Что с ним, жив ли он вообще, Сережа не знает. Шесть лет назад умер Сережин папа, с тех пор нет вестей из Чернигова. Племянник туда не пишет, а дядя, может быть, и писал бы, да Сережин адрес давно изменился. Вот пишу все это и думаю: а мы-то сами, люди постарше, намного ли душевнее молодых? Кроме Катерины, у меня есть еще одна сестра — Надежда, которая живет в Уфе. Так вот вместе, втроем, за последние двенадцать лет собрались мы впервые только на похороны матери. Сестры в многолетней ссоре: когда-то их мужья крепко поругались. Давно уже нет в живых мужа Катерины; наверное, забыл обиду и муж Надежды, но даже смерть матери родных сестер не помирила! Почему же в наше время так непрочно стали рождественные узы, почему так безжалостно рвутся их нити? Я знаю одну семью, которая нарочно поругалась со своей родной; утомляли их гости, «постояльцы», как они презижки родственников за глаза называли. Живет, между прочим, эта семья в отдельной трехкомнатной квартире. А возьмите взаимоотношения детей и родителей... Право, лишний раз упоминать об этом — только расстраиваться. В нашей больничной палате лежала пожилая женщина, которую, как и меня, не навещал никто из близких. Между тем ее сын с семьей живет в Клину — это совсем рядом с нашим поселком. Но она ему даже не сообщила, что лежит в больнице. Так велика ее обида на сына. С тех пор, как он два года назад женился, совсем перестал навещать мать. У этой женщины рано умер муж, и сына она растила одна. Трудно было, но все же, когда однажды ей встретился неплохой человек и предложил жить вместе, она отказалась. Каково будет сыну с отчимом? А сын вырос, выучился, получил хорошую специальность и... забыл мать. Я сама росла в деревне. Мой отец был пасечником. Запечатлелся он в моей памяти не только мастером своего дела, но и прекрасным, добрым семьянином. Заповедью жизни считал отец писанные и неписанные законы родственности, «свойственности», как тогда говорили. С глубоким смыслом любил он повторять поговорку: «Русский человек без родни не живет». А сколько других поговорок ходило, которых сегодня что-то не слышать: «Братская любовь крепче каменных стен».

«Вся семья вместе, так и душа на месте», «Ссора в своей родне до первого взгляда»... Это было все еще на моей памяти, а если заглянуть дальше, что называется, в глубь веков? Семейность и общинность исконно отличали характер русского народа. Семейство средней руки, или «двор», как его в старину называли, насчитывало 10—15, а нередко и 20 человек. Семья стремилась к своему сплочению, расширению, охотно принимала под свой кров осиротевших детей даже дальних родственников. А сегодня, мне кажется, в нас все больше и больше проникает какая-то духовная, родственная разьединенность. Особенно это касается людей, живущих в крупных городах. В детстве городские дома представлялись мне чем-то вроде ульев. В небольшой комнате сестры Катерины, где теснилась ее семья, всегда находилось место и нам с мамой. Да что говорить, вся коммунальная квартира жила как одна семья. Конечно, бывало, ссорились, но и тут же мирились. Злобу недолго держали: все время ведь друг у друга на виду. Кроме того, было понятие «двор». Во дворе стояли сараи, на одном из них была голубятня. Голубятники начинали свистеть, улюлюкать, гонять голубей с самого утра. Никто из жильцов не возмущался этим шумом: чего сердчат, шум-то свой, привычный, нашего двора. То есть жили, думая и о других, на многие вещи смотрели проще, чем сейчас. Теперь повсюду строят многоквартирные дома-башни, дворы постепенно исчезли, место, где можно было бы ребятам поиграть в лапту или в прятки, заняли владельцы автомобилей. Соседи не только по дому, а и по площадке живут обособленно, варятся в собственном соку, имени друг друга часто не знают... Странно получается: живем лучше, а черствеем больше. Сегодня материальное положение семьи, поддержка государства таковы, что в случае болезни или даже смерти кого-нибудь из членов семья проживет и без помощи родственников. Сеть яслей и детских садов помогает родителям в воспитании детей обходиться без постоянного участия тетушек и бабушек. Но если отпадает необходимость общаться с близкими по нужде, разве не остается потребность в душевных, родственных связях? Недавно из телевизионной передачи узнала, что сочетание букв НТР (научно-техническая революция) в шутку, конечно, расшифровывают и так: «научно-техническое разрушение». Имеется в виду разрушение окружающей среды. Считаю, что это определение подходит и к тому незримому процессу, который незаметно начинает проникать в среду родных, близких людей: разрушаются родственные связи, губятся родовые корни. Как остановить это?

А. С. КВАСОВА,
Московская область.

Ждем ваших суждений, дорогие читатели. Дискуссия «Далекие близкие» начинается.

Репортаж об интересном

Мария БОГДАНОВА.
Фото Бориса РАСКИНА.

Аукцион — одна из древнейших форм продажи товаров. Она существует во всех крупных торговых городах мира: Лондоне, Нью-Йорке, Амстердаме, Калькутте... У нас первый аукцион состоялся в 1935 году в Ленинграде. Продавалась на нем знаменитая российская пушнина. А в 1965 году в Москве открылся первый конный аукцион чистокровных верховых и рысистых пород на ВДНХ. Цены на аукционе (кроме первоначальной) устанавливаются сами покупатели. От их желания приобрести тот или иной товар, от их личной оценки зависит сумма, за которую он и будет продан. Молоточек аукционатора — неизменный атрибут торгов. Пока не раздастся его удар, покупатели могут раздумывать, прицениваться, вносить свои предложения, конкурируя друг с другом.

На Московский аукцион спортивных и племенных лошадей своих питомцев поставляют конные заводы из разных краев нашей страны. Каждый из этих заводов (а их более десяти) специализируется на разведении определенных пород. Буденновские лошади приходят с заводов имени 1-й Конной армии и имени С. М. Буденного, лошади латвийской породы — из совхоза «Тервете». Оттуда же

поступают ганновераны (представители этой породы попадают на аукцион и с Жагарского завода Латвии). Красавцы ахалтекинцы — уроженцы Дагестана и далекой Туркмении.

...Вот появилась на манеже аукциона карабахская кобылка Амазонка. Правда, теперь она уже зовется «лот № 1». Так обозначают продающихся на аукционе лошадей. Два раза подымался молоточек, прежде чем раздался окончательный удар. Амазонка поедет в ФРГ. Там ей дадут другую кличку. Но, где бы она ни оказалась, с ней навсегда останется метка о ее происхождении — тавро Агдамского конного завода.

Большие надежды возлагались на жеребчика латвийской породы — Фавора. Но массивный, серьезный Фавор хоть и прыгал хорошо и держался с достоинством, не смог раззадорить клиентов. Он был просто угловатым, хотя и рослым подростком, еще не умеющим должным образом преподнести свои достоинства. А на аукционе, где всего за несколько минут покупатели должны решить, за какую цену стоит брать лошадь, это умение бывает решающим.

Замер с поднятым молоточком аукционатора — ждет набавления к уже заявленной сумме. — Разве это цена, господа, за такую лошадь! Как бы не пожалеть потом...

Самую сильную вспышку конкурентной борьбы вызвала лошадь буденновской породы — Небесная. Рыжая, со светлой гривой, она вылетела на манеж легко и стремительно. Бежала плавно и мягко, как при замедленной съемке, с развевающимися светлой гривой и неподвижной, гордо вытанутой головой.

— Небесная!

Аукционатор не спешит называть цену. Теперь кобылка направилась к трибунам, но не по прямой, а вдоль дальней стены манежа, будто знала, как надо себя держать, чтобы вскружить голову покупателям. И вот назначена первоначальная

цена. Посыпались предложения. Аукционатор едва успевал следить за табличками с номерами покупателей, которые поднимались, каждый раз повышая цену как минимум на сто долларов. Повернув голову в их сторону, Небесная, казалось, сама выбирала себе хозяина. Покупатели просто таяли от удовольствия, глядя на нее, и таяла их прежняя осмотрительность: они все набавляли цену, стараясь перехватить лошадь друг у друга. Наконец дело дошло до весьма солидной суммы, и молоточек ведущего ударил о кафедру, оповестив, что лошадь продана.

Так совершилась самая крупная торговая сделка сентябрьского аукциона.

Да, торговать — это искусство. Оно требует умения организовать быстрый и выгодный ход торгов, привлечь покупателей, показать товар лицом.

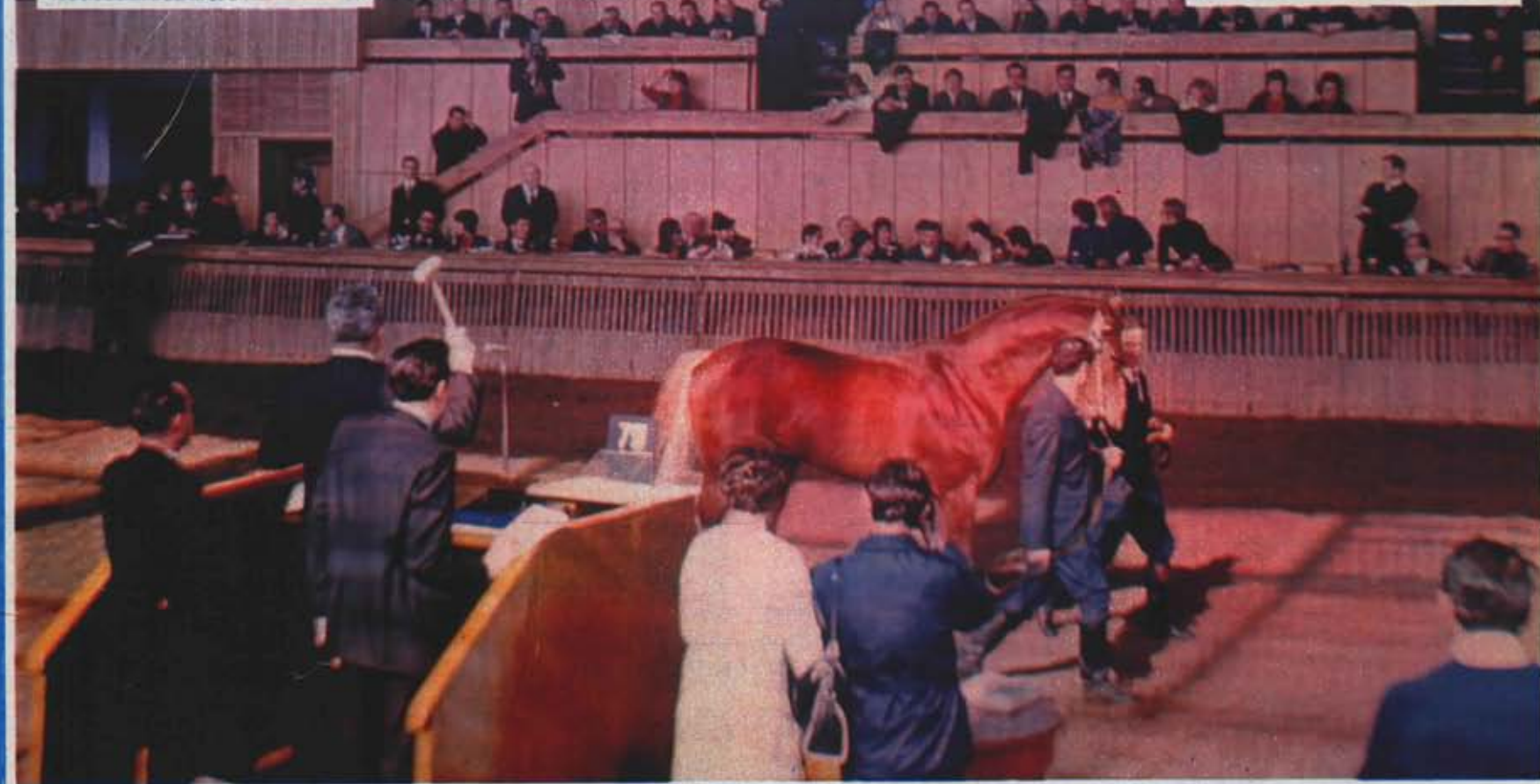
Московский аукцион спортивных и племенных лошадей молод — первые торги датированы 1971 годом. Но он уже набирает силу, пропагандируя отечественное конное дело, принося государству немалую экономическую выгоду. За валюту, которую мы выручаем на аукционе, покупаются у зарубежных партнеров станки, оборудование, машины...

Что и говорить, кони — ходкий товар в буквальном и переносном смысле этого слова.

...Последний «лот», взметнулась вверх табличка с новой ценой, третий раз опускается молоточек аукционатора. Все. Нынешние торги закончены. Расходятся покупатели, кто радостно улыбаясь (повезло — выгодная сделка!), кто хмура брови (перехватили отличный товар!), кто спокойно подводя результаты сегодняшнего бизнеса.

До следующей осени, до следующего сентября. До того волнующего момента, когда на манеж аукциона выбежит золотистое четвероногое чудо, когда все привстанут в волнении, и молоточек аукционатора вновь поднимется для решающего удара.

ВОРОНЫЕ, РЫЖИЕ, ГНЕДЫЕ

А ЧТО У ВАС?

СОХРАННОСТЬ ГАРАНТИРУЕТСЯ!

Где только не встречали мы пресловутые автографы типа «Здесь был Вася»! Немало хлопот доставляют они хранителям природных и архитектурных памятников. А вот в суздальских музеях отказались от борьбы с любителями оставить свой «след в истории». Более того, музейные работники Суздаля гарантируют авторам сохранность их автографов в своих фондах. Специально для этого рядом с уникальными постройками древности установлены большие шиты — пожалуйста, расписывайся каждый.

Вероятно, «изобретение» суздальцев может вызвать и улыбку, но тем не менее специальные шиты исписаны вдоль и поперек, а на бесценных памятниках не встретишь ни одного «незапланированного» автографа.

Валерий ОРЛОВ

МАРШРУТЫ КОМСОМОЛИИ

ПОЕЗД ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Тарко-Сале — таежный поселок Ямало-Ненецкого автономного округа — пока что конечная станция железнодорожной линии, что соединит Сургут с Уренгоем. Станция эта принимает только рабочие составы — с рельсами, шпалами, стройматериалом. Всесоюзная ударная комсомольская стройка продолжается. И не случайно именно в Тарко-Сале закончился маршрут агитпоезда ЦК ВЛКСМ «Молодогвардеец». Сюда, на самую горячую точку стройки, агитпоезд пришел впервые.

...Почти три года назад, в день открытия XVIII съезда ВЛКСМ, вышел в необычный рейс из Тюмени новый агитпоезд. Комсомольские пропагандисты побывали на самых отдаленных станциях Красноярского края и Омской области, на ударных стройках Абакана, Сургута, Нижневартовска... Агитаторы и самодеятельные артисты на самолетах и вертолетах прилетали к оленеводам и нефтедобытчикам, лесорубам и электромонтажникам. Слово комсомольских пропагандистов звучало в заводских цехах и вагончиках строителей, в красных уголках общежитий, на колхозном поле, на зернотоке.

«Красным поездом» назвали состав молодые сибиряки. «Красным» не только за цвет вагонов, но прежде всего за ту атмосферу праздника и духовного накала, которая сопровождала по всему маршруту этот поезд особого назначения.

Владимир ДВОРЕЦКИЙ.
Фото автора

ПРОЕКТЫ

«ВЕЛОПОЛИТЕН»? А ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ!

Бесшумный двухколесный экипаж, не загрязняющий улиц, не отравляющий воздух и разом решающий проблемы пресловутой гиподинамии, кое-где начинает всерьез конкурировать не только с трамваями и автобусами, но даже с самим «его величеством» автомобилем.

Однако есть у велосипеда «ахиллесова пята», даже две. Первая — зависимость от погоды: мало радости кататься в дождь, а тем более в снеговпад или в гололедицу. Вторая — хрупкость, «незащищенность» велосипедиста на улицах, запруженных грохочущими, рычащими «мастодонтами» автодорог.

Преодолимы ли эти сложности? Существует ли принципиальное решение, позволяющее «вписать» велотранспорт в «интерьер» современного города? Да, считает московский инженер П. Райкин, такое решение существует. И разворачивает чертеж «велополитена» — системы крытых эстакадных магистралей, «парящих» где-то на высоте шестых — десятых этажей.

На первый взгляд — фантастика: не проще ли проложить дополнительные линии метро? Нет, возражает изобретатель, не проще: сооружение «велокороба» обойдется дешевле во много раз, не говоря уж о его эксплуатации. Главное — построить станции, буквально через каждые полкилометра: возле крупных жилых домов, учреждений... Представьте себе платформы между верхним и нижним ярусами эстакады, по вертикали (сквозь оба

яруса) движутся цепные транспортеры (элеваторы) с укрепленными на них прокатными велосипедами специальной упрощенной конструкции. Пассажиру остается только снять велосипед с элеватора и, доехав до нужной станции, вкатить его обратно в транспортер.

Окупится ли вся эта система? Да, утверждает изобретатель, причем довольно быстро! Если предположить, что поперечное сечение эстакады составит 6х6 м (по 3 м высоты на каждый ярус), то при скорости движения 15 км в час пропускная способность только одного яруса достигнет 30 тысяч пассажиров в час. Это значительно больше, чем у любого вида городского транспорта, кроме метро. Так вот: если с каждого брать за поездку, скажем, пятак...

И снова вопрос: много ли их наберется, этих «олимпийцев», готовых выложить пятак за право поработать хорошенько собственными ногами?

Что ж, действительно вопрос. Учтите, однако, говорит П. Райкин, что при достаточной разветвленности «велополитена» он обеспечит доставку пассажиров «от дверей до дверей» по кратчайшему маршруту практически до любой нужной точки.

И никакие тебе «пробок», никакой нервотрепки — кати, пока не надоело. А надоело — сошел, пересел хоть на тот же трамвай...

Михаил КРУШИНСКИЙ

МАСТЕРА

РОСПИСЬ ПО СТАЛИ

Хотя и называется город Златоустом, но принесли ему славу не красные речи, а золотые руки его мастеров. Знатнейшему из них поставлен памятник. На высоком постаменте внимательно рассматривает полосу гибкой стали бронзовый человек в спортуке горного инженера — Павел Петрович Амосов. Открыватель секретов древней таинственной стали — булата. «Россия» — писал Амосов, — богатая железными рудами различного свойства, не бедна и искусными руками». Для сохранения мастерства уральских оружейников он предложил основать Златоустовский музей, который по сей день является хранителем уникальных произведений мастеров холодного оружия, среди них — сабли, шпаги, палаши, кирасы, изготовленные здесь полтора столетия назад и украшенные уникальной гравировкой.

Имя одного из самых первых русских гравировщиков холодного оружия — Ивана Бушуева известно многим по сказу Вазова об Иване Крылатке. В Златоусте хранятся клинки со знаменитым крылатым коньком, ставшим теперь эмблемой города металлургов. Но Бушуев был не одинок, работали здесь замечательные художники-самоучки М. Тележников, И. Бояршинов, С. Фетисов, М. Пелявин. Апофеозом их работы явились рыцарские доспехи, заказан-

ные царем для наследника престола, будущего Александра II. Над изготовлением этих доспехов почти пять лет работали кузнецы, чеканщики, граверы, золотильщики — руководил ими Иван Бушуев. Латы и шлем были выкованы из лучшей стали, искусно украшены вытравкой, гравировкой, чеканкой, литьем.

Древнее искусство свое сохранили златоустовцы и до наших дней. Новые, современные по рисунку работы украшают многие витрины музея — кубки, декоративные блюда, ножи, топорики, сувениры и целые панно.

Сегодняшний Златоуст — огромный промышленный город, выпускающий сложнейшую продукцию самого современного назначения. И здесь пригодились опыт старых мастеров «стальной дела» — точный глазомер, упорство, профессиональная виртуозность.

Роман БОРИСОВ.
Фото автора

УВЛЕЧЕНИЕ

В мире сказки

Полосатый тигр устремил свои клыки на вертлявых мартышек. С лукавой усмешкой поглядывают на эту кутерьму чародей-лесовички. А из золотистого шара летит нежная, прямо-таки волшебная музыка...

Переступаешь порог дома Юрия Николаевича Поливанова, художественного редактора издательства «Малыш», и попадаешь в чудесный мир сказки. На полках, в шкафах тесными рядами выстроились игрушки. Их здесь великое множество — более двух с половиной тысяч.

Еще Гете сказал: «Собиратели — одни из счастливейших людей». Пожалуй, в полной мере эти слова можно отнести к хозяину дома. Уже двадцать лет Юрий Николаевич одержим страстью коллекционирования кукол и игрушек, созданных народными умельцами. Они привозятся отовсюду. Яркие, из раскрашенной глины каргопольские кентавры, полные лукавства таджикские химеры, важные сударушки, грозные немецкие щелкунчики, нарядные испанские танцовщицы... Посланцы из семидесяти двух стран живут в этом необычном музее, двери которого всегда открыты детям.

Елена САМОУКОВА.
Фото Бориса ГОРШКОВА

ШИРОКАЯ МАСЛЕНИЦА

Проводы русской зимы — праздник очень древний, самобытный, исконно русский. А название ему — масленица. Нам повезло. Повезло проводить зиму и встретить весну в старинном русском городке на Орловщине.

Как пахнуло сказочной русской удаляю!

Мчатся из окрестных колхозных деревень в Малоархангельск запряженные в сани-розвальни резвые лошади. А дуга-то переплетена шелковыми лентами. Из заветных сундуков вытасывают на свет старинные колокольчики, сотканный еще прабабушкой расписной ковер и нарядная попона для коня...

Мчатся праздничные сани по мартовскому снегу весну встречать. А в санях — как теплая, мягкая, душистая перина — охапка сена, укрытая ковром, серьезный возница и куча румяных ребятишек.

В домах никого нет. Все на площади. Она поет, танцует, хохочет. Тешат народ веселые скоморохи, летят расписные тройки, пылают огромные со-

ломенное чучело Зимы. Уморительно препираются ряженые, далеко окрест слышатся перебор гармошки да зазорные частушки...

Идет-гудет широкая масленица!

Александр БОГДАНЧИКОВ.
Фото автора

Случай или судьба?

Могу сказать совершенно точно: Баграт Девносадзе ни до своего кинематографического дебюта, ни после не думал о популярности, хотя о его жизни можно сделать не один полнометражный фильм.

С режиссером Резо Чхеидзе они встретились совершенно случайно. Чхеидзе вместе со сценаристом Сулико Жгенти готовился к съемкам фильма «Твой сын, земля» — о партийном руководителе наших дней. В который раз обезжая места будущих съемок, на одной из террас в Верхней Вардзии они увидели работающего в одиночестве старика. Им оказался крестьянин Баграт Девносадзе. Он родился в селе Апица, на самой границе с Турцией. Одним из первых вступил в колхоз. Был бригадиром. В сорок первом на фронт ушли два его сына, а в январе сорок второго — сам Баграт (военкомату надоело, наверное, посылать ему отказы). После ранения «зайцем» отправился снова на фронт и дошел до Берлина. После войны вернулся в родные места, начал строить дом и нашел в земле корни виноградной лозы. Вырастил виноградник, воспитал внуков, а потом... потом прочитал в газете призыв: «Возродим оставленные села!». И поехал в Вардзию.

Там и произошла его встреча с Резо Чхеидзе. И совершенно неожиданно оказалось, что Баграт Девносадзе со всеми своими заботами, раздумьями не просто органично вписывается в сценарный замысел картины, но и совершенно ей необходим — как воплощение режиссерского представления о

грузинском крестьянине, о его самоотверженной любви к родной земле.

Те, кто знаком с творчеством Резо Чхеидзе, несомненно, найдут в характере и в судьбе Баграта Девносадзе черты экранных героев Чхеидзе — и Георгия Махарадзе из «Отца солдата» и старика Луки из «Саженица». С единственной разницей — Георгий Махарадзе, «придуманный» персонаж, воспринимался как реально существующий человек (в Грузии даже есть памятник «отцу солдата»), а Баграт Девносадзе, несмотря на то, что он вошел в фильм под своей фамилией и делает в нем, собственно, только то, что делает в жизни, воспринимается как художественно-обобщенный персонаж.

Вера ЖЕЛТОВА

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПИАНИНО

Несколько лет назад в Пермском краеведческом музее появился новый экспонат — старое шредеровское пианино. Когда-то оно принадлежало русскому музыканту Илье Алексеевичу Шатрову — капельмейстеру 214-го Мокшанского полка, автору знаменитого вальса «На сопках Маньчжурии».

В Златоусте существовал музыкальный кружок местной интеллигенции. Его стал посещать будущий композитор. Ближе, чем со всеми, он сошелся с семьей Лавра Иродионовича Фенелонова, привязался и к их маленькому сыну Аркадию.

В июле 1904 года казармы на окраине Златоуста опустели — полк был отправлен на Дальний Восток. И. А. Шатров решил подарить пианино своим друзьям Фенелоновым.

А Аркадий Лаврович Фенелонов стал впоследствии профессором Пермского медицинского института. И пианино он перевез в Пермь. Когда А. Л. Фенелонов умер, родственники его передали инструмент в дар местному краеведческому музею.

Такова необычная история этого инструмента.

Борис ЗЕЛИЧЕНКО

В ГЛУБЬ ВЕКОВ

КАК И МИЛЛИОН ЛЕТ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Заманчиво проникнуть с помощью машин времени в глубинные пласты истории, не правда ли? Но такие чудеса, как известно, случаются разве что в фантастических романах. Однако не будем забывать, что любая фантастика непременно граничит с реальностью.

Зная об этом, молдавские ученые — зоологи, палеонтологи — объединились со скульпторами и решили создать макет животного мира далекого прошлого. В распоряжении художников и ученых была одна из богатейших в Советском Союзе коллекций остатков животных, населявших территорию Молдавии два с лишним миллиона лет назад.

Идея проста и оригинальна: организовать музей, в котором были бы воспроизведены с предельной точно-

стью и в натуральную величину саблезубые тигры и носороги, мамонты и олени. Всего же задумано разместить на площадке под городом Тирасполем свыше сорока видов обитателей доисторической фауны. За выполнение заказа республиканского общества по охране природы взялись кишиневские скульпторы.

Так через некоторое время вновь «появятся» на молдавской земле исчезнувшие миллионы лет назад представители животного мира.

Валерий ПЛЕШАКОВ

БАНЯ... С ЭКОНОМИЧЕСКИМ ЭФФЕКТОМ

На трассе — минус шестьдесят, злой ветер, а из зеленого вагончика с дымком над трубой раздаются веселые голоса: банный день. Вагончик на колесах: сегодня — здесь, завтра — там. И везде ему рады. Да и как не порадоваться хорошей русской баньке, с парком да с веничком! Экономисты подсчитали: эффект передвижной бани, выраженный в рублях, достигает 18 тысяч. Только разве этим измерить радость и здоровье, которое прибавляет она строителям нефте- и газопроводов.

Авторы комфортабельных передвижных конструкций выпускают на трассы в будущем году целые санитарно-бытовые здания. Их выпуск начнет Волоколамский завод строительных конструкций. Здесь баня уже не простая:

«сауна», с раздевалкой и душем. Ей не нужен фундамент, воду баня возит с собой или берет из артезианских колодезь, а отапливается электричеством.

С достоинствами и устройством бани на колесах можно познакомиться, не отправляясь на северные трассы. Ее демонстрирует ВДНХ СССР, наградившая конструкторов золотой медалью.

Елена ГОЛОВАНЬ

А ЧТО У ВАС?

нем нарицательным, обозначающим моду, дешевый успех, большие и легкие деньги в награду за... пошлость и скабрзность на сцене. Дело дошло до того, что в конце XIX столетия само слово «опереточный» стало синонимом всего ненастоящего и глупого. Так, от царя Менелая в «Прекрасной Елене» родилось название «опереточный царь», а от Дона Рибейро в «Периколе» — «опереточный губернатор». И надо сказать, что критики XVIII и XIX веков были правы, ругая наших предшественников, ибо в оперетте тех дней царствовали косность, вульгарность, примитив, отсутствие настоящей художественности.

— И все-таки оперетта завоевала право на жизнь...

— Это обязательно должно было случиться! — с жаром воскликнула Татьяна Ивановна. — И это случилось. В 1919 году, когда вопрос о существовании оперетты встал ребром — быть или не быть, на прием к народному комиссару просвещения Луначарскому отправились Ярон и Потопчина. Выслушав их, Анатолий Васильевич сказал: «Оперетта всегда была одной из самых близких к народным массам театральных форм. Только надо ее очистить от всего наносного, пустить по правильному руслу».

По такому пути и пошла советская оперетта, и был он долгим и нелегким — от старой классики к так называемой новой венской оперетте, а от нее уже к подлинно новой, советской. Путь этот далеко еще не завершён, но, оглядываясь назад, можно сказать, что зритель от всей души полюбил наш жанр. Я могла убедиться в этом за долгие годы работы на сцене Театра оперетты и нахожу подтверждение этому в той теплоте и сердечности, с которой меня встречают на заводах и фабриках, в колхозах, на комсомольских стройках, в научно-исследовательских институтах, а также по тем многочисленным письмам, которые получаю после своих выступлений на радио и по телевидению: пишут из Тулы и Магадана, Салехарда и Комсомольска-на-Амуре, пишут люди самых различных профессий. Читая эти письма, я слышу за их строками смех, вижу радостные лица, чувствую

— Не знаю. Наверное, подумали, что я еще не созрела для самостоятельных решений... Я согласилась. Затем — опять случайность! Одна из моих подруг перетащила меня в музыкально-театральное училище имени Глазунова. А через два года — ну, как здесь не сказать: судьба играет человеком! — наш курс трансформировался в отделение музыкальной комедии ГИТИСа.

— И вы случайно стали ведущей артисткой Московского театра оперетты!

— Не иронизируйте, — улыбается Татьяна Ивановна. — Дальше моя судьба схожа с судьбами людей, которые пришли в театр не случайно. Чтобы добиться признания, пришлось работать, работать и еще раз работать.

— А если исключить элемент случайности... Допустим, вагон под названием «оперетта» не остановился бы рядом с вами, прошел мимо — как бы в этом случае сложилась ваша судьба?

— Александр Дюма устами отважного мушкетера д'Артаньяна говорил, что на голове у случая растет единственная прядь волос, за которую его можно схватить. Так вот рано или поздно, но я все равно бы ухватилась за эту прядь и догнала бы, как вы сказали, вагон под названием «оперетта». Поэтому случайности, которые сопутствовали мне в начале биографии, прошу рассматривать как случайности закономерные. Ну, а если говорить о везении, то мне действительно повезло. Но в совершенно другом плане — мне повезло на учителей. В 1954 году Московский театр оперетты возглавили Г. А. Столяров, профессор, талантливый оперный и симфонический дирижер, и прекрасный актер Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко В. А. Канделаки.

Станиславский говорил, что «оперетта, водевиль — хорошая школа для артистов. Старики, наши предшественники, недаром начинали с них свою карьеру, на них учились драматическому искусству, на них выраба-

Оперетта. Многие произведения этого жанра легкой музыки могут похвастаться эпитетом «классический». И тем печальнее, что сейчас и эти веселые, лиричные, грустные музыкальные сценические постановки теряют популярность. А современные, увыв, часто и вовсе ее не приобретают: единичные успехи, нестабильный зрительский интерес, порой появляются устаревшие «новинки»... Возможно, тревога несколько преувеличена, но, Татьяна Ивановна, согласитесь, что звездный час оперетты прошел. Ее потеснили эстрада, различные музыкальные шоу, рок-опера, водевилы...

Народная артистка СССР
Татьяна ШМЫГА:

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС ОШ

— Когда в последний раз вы были в нашем театре? — спросила Татьяна Ивановна, и в голосе ее послышалось легкое раздражение.

— Два дня назад, на спектакле «Обещание, обещание...». И зал был полупустой.

— Это неудачный спектакль. Спектакль-поиск, который, к сожалению, провалился. Такое может произойти в любом театре. А что касается первого вопроса, то вы неоригинальны. Оперетту начали бранить еще в восемнадцатом веке. Одни — за филистерство, как Лессинг, другие — за безнравственность, как, скажем, драматург князь Шаховской. Рубинштейн сравнивал оперетту с юмористической газетой, «положенной на музыку, в коей прелестное сделалось распущенным, веселое — пошлым, остроумное — грязным». Не любил оперетту и Чайковский, ругали и поносили ее в своих романах, пьесах и рассказах такие прославленные мастера слова, как Золя, Островский, Горький, Чехов. Имя композитора Оффенбаха для многих его современников стало име-

хорошее настроение. И я счастлива, что избрала именно этот, а не иной путь, горда тем, что я — артистка оперетты.

— Татьяна Ивановна, а как вы пришли в оперетту?

— Случайно. Есть люди, которые больны театром с детства, например, Аркадий Райкин, Донатас Банионис... Они идут к своей цели долго и упорно, падают, спотыкаются, но все-таки доходят. Мне понятны их устремленность, мужество, настойчивость — наверное, только так можно стать настоящим артистом. Мне в этом плане не повезло — не я выбирала судьбу, судьба выбрала меня. С детства любила петь и мечтала стать камерной певицей. Поступила в музыкальное училище при консерватории. А через некоторое время отец получил письмо, в котором руководитель хора кинематографии — он, видимо, присутствовал на одном из экзаменов — спрашивал: не будет ли папа возражать, если меня пригласят в хор?

— Почему же именно папу?

тывали артистическую технику. Голос, дикция, жест, движения, легкий ритм, бодрый темп, искреннее веселье — необходимы в легком жанре. Мало того — нужно изящество и шик, которые дают произведению пикантность, вроде того газа, без которого шампанское становится кислой водичкой». Все эти истины-заповеди Столяров и Канделаки взяли на вооружение и... Что за чудесное было время! Вспоминаю и не верю, трудно поверить, что человек может быть счастливым, когда его заставляют работать до седьмого пота. Мы стали добровольными пленниками театра, жителями, каждый работал не за страх, а за совесть, стараясь выле-

пить своего героя или героиню вышукло, чтобы зритель надолго запомнил не только наши голоса, но и артистизм, легкость движения, каскад...

Столяров и Канделаки предъявили жесткие требования не только к нам, артистам, но и к себе. Оффенбах, Кальман, Штраус, Легар — великопленные композиторы. Но в карете прошлого далеко не уедешь. Прекрасно это понимая, наши учителя-руководители старались крепить и развивать советскую оперетту, уже доказавшую свое право на жизнь, зрелость, яркость, музыкальность и поэтичность формы. Вслед за Дунаевским и Милотиным к сотрудничеству с театром привлека-

ВРЕМЯ

ются Кабалевский и Шостакович. И наши зрители и мы, артисты, получаем в конце концов желаемое, давно обещанное — грустные и веселые лирические песни, светлые, задорные танцевальные мелодии. Оперетты «Белая акация» Дунаевского, «Весна поет» Кабалевского и «Москва, Черемушки» Шостаковича прошли с большим успехом и стали значительным событием в музыкальной жизни страны. Особенно много разговоров вызвала оперетта «Москва, Черемушки». Его Седьмую и Одиннадцатую симфонии знает весь мир, и вдруг — оперетта! Результат превзошел все ожидания. Через несколько месяцев после

премьеры федеральный канцлер Австрии, присутствуя в Москве на собрании учредителей Советско-Австрийского общества дружбы, сообщил о том, что венский театр «Фолькс опер» хочет ставить «Москва, Черемушки» и просит привезти либретто и клавиш. Представляете?! Вена слась! Вена, колыбель нашего жанра, ставит советские оперетты!

— Это был звездный час оперетты, ваш звездный час...

— Вы хотите вернуться к первому вопросу? — насторожилась Татьяна Ивановна.

— Если разрешите.

— Ну хорошо, вернемся.

— В шестидесятые годы кривая популярности оперетты была несколько выше, чем в наши дни. Чем вы это объясните?

— Кривая популярности зависит от репертуара. Иначе говоря — от количества хороших или плохих спектаклей. Последние сегодня, к сожалению, преобладают: надуманная проблематика, слабость, схематичность драматургии, бедность языка, мысли. Яркий пример тому спектакль «Обещание, обещание...», на который вы попали.

— Вам предлагали роль в этом спектакле?

— В театре дисциплина. Роль не предлагают — на роль назначают. Я отказалась играть в этом спектакле. Но это не выход из положения, поэтому — разрешите мне через ваш журнал обратиться ко всем композиторам и либреттистам. Дорогие товарищи, наш жанр только считается легким, на самом деле он трудный и требует к себе самого серьезного отношения. Помните об этом и пишите для нас с полной отдачей, чтобы музыка ваша улыбалась, хохотала, танцевала, издевалась, шалила, чуть-чуть грустила, а драматургия была острой, проблемной, диалоги — точными, фразы — мудрыми, наполненными сарказмом и юмором. В общем, работайте так, чтобы ни у кого и никогда не возникла мысль, что звездный час оперетты позади. Он — впереди. Я верю в это! Вы удовлетворены? — спросила Татьяна Ивановна.

— Вполне. Каким вы видите Театр оперетты в будущем?

— Думаю, что расширится проблематика. Мы уже сегодня обращаемся к значительным темам. С успехом идет спектакль «Товарищ Любовь», поставленный по пьесе Тренева. Я играю в нем Любовь Яровую. С удовольствием пою в «Эспаньоле» Анатолия Кремера и Алексея Николаева. Здесь все прекрасно: и музыка и драматургия. Д. Б. Кабалевский не раз говорил, что «слабым местом нашего музыкально-театрального творчества все еще остается драматургия. Можно сказать, что за редким исключением уровень музыки в наших операх, балетах и опереттах выше, чем уровень их драматургии, их либретто. Иногда композитору удается силой музыки сгладить недостатки либретто, но в большинстве случаев это ему не удается». Так вот, «Эспаньола» — это пример точного попадания музыки в театральное действие. Там даже некоторые дуэты построены, как драматургические фрагменты. Прекрасен текст Лопе де Вега в переводах Щепкиной-Куперник и Лозинского. Я играю собирательный образ — Диану из «Собаки на сене», женщин из «Учителя танцев», «Валенсийской вдовы», играю и радуюсь: язык сочный, образный, слова легко ложатся на музыку, в общем, пою в свое удовольствие. Но подобные значительные темы пока нетипичны для нашего жанра в целом.

Я не теоретик, не искусствовед, не режиссер, я — актриса, но, фантазируя, вижу в идеале... ну, скажем, Театр музыкальной драмы и комедии, где сегодня идет «Фиалка Монмартра», завтра — «Товарищ Любовь», послезавтра — «Матушка Кураж» Брехта...

— Если я правильно понял, вам немного тесно в рамках репертуара вашего жанра?

— Может быть. И, откровенно говоря, я не раз задумывалась, не уйти ли в

драматический театр, тем более, что предлагали. Но каждый раз гнала эту мысль прочь, прекрасно понимая, что без музыки мне не прожить и дня.

— Неужели вы не удовлетворены своей актерской судьбой?

— Тут уж мне советовать не приходится — счастливая судьба...

— Как вы относитесь к новому поколению актеров, которые если еще не претендуют, то в скором времени будут претендовать на ваши роли?

— Есть такой анекдот: одна артистка выпустила афишу — «Юбилей... Пятидесятилетие сценической деятельности и тридцать лет со дня рождения». В отличие от вышеуказанной дамы я свой возраст не скрываю. Дело дошло до курьезов. Однажды пианистка нашего театра в сердцах заявила мне: «Такой легкомысленной, как ты, я еще никогда не видела. Чтобы так легко отдавать свои роли и так открыто говорить, сколько тебе лет!» Ну, а если серьезно, то я предпочитаю репетировать новую роль вместе с той актрисой, которая тоже на эту роль назначена. Наблюдая за ней, фиксирую плюсы, удачу и просчеты и пытаюсь создать полновесный, лишенный сценических недостатков портрет моей героини. Такая работа приносит творческое удовлетворение и часто наталкивает на новые, совершенно неожиданные повороты и мысли в трактовке создаваемого образа.

Неплохо иногда взглянуть на свою роль и со стороны, из зрительного зала. Прихожу в свободный день на «Неистового гасконца» Кара Караева, смотрю Роксану и убеждаюсь, что сыграть ее можно несколько иначе, чем сыграла занятая в спектакле актриса. Или взять мюзикл «Хелло, Долли...». Барбара Стрейзанд прекрасная актриса, но моя Долли заметно отличалась бы от ее.

— Татьяна Ивановна, раз уж вы не скрываете свой возраст, то разрешите спросить: много ли вы работаете, чтобы выглядеть на сцене... простите, в любой обстановке, даже дома, такой молодой и эффектной?

— Не хочу стареть. Кто-то сказал, что «трагедия старости не в том, что чувствуешь себя старым, а в том, что чувствуешь себя молодым». Я действительно чувствую себя молодой, но, чтобы душевная молодость гармонировала с физической, приходится работать, работать и работать. Много работать. Иначе... форма изменит содержанию.

— Татьяна Ивановна, воздадим дань традициям интервью: ваши ближайшие планы на будущее?

— Планы есть, я не сомневаюсь в их реализации, и все-таки позвольте мне не отвечать на этот вопрос — в этом отношении я несколько суеверна.

— Тогда последний вопрос: как вы относитесь к зрителю?

— Я люблю нашего зрителя и убеждена, что именно в соприкосновении с ним и происходит таинство рождения спектакля. По одну сторону — на сцене — возникает такой накал страстей, искренность чувств и глубина мыслей, что и по другую сторону — в зале — рождаются не менее сильные ощущения. Этот порыв, это сопереживание сплывают зрителя и актеров, наступает удивительная тишина, которая и рождает и приносит успех спектаклю. Вот ради таких мгновений мы, актеры, и живем, и, когда они приходят, хочется поклониться зрителю и сказать ему наше огромное, огромное спасибо.

«ДИСКОВАЯ» БОЛЕЗНЬ?

Да, встречается и такая. Ведь что греха таить, часто покупают пластинку в ярком конверте только из-за ажиотажа, из-за желания иметь голос модного певца или певицы в коллекции. Вот, мол, хватаю эстрадные звезды с неба, не хотите ли послушать или переписать? И растут подобные коллекции как грибы, а коллекционеры мало-помалу начинают окружать околмузыкальные личности, жонглирующие звонкими именами и парой-тройкой музыкальных фраз из шлягеров. Популярность эстрадной музыки, интерес к ней молодежи понятен, объясним. Но только серьезный интерес, не погоня за количеством модных дисков в домашней дискотеке. Стоят в ней иные пластинки, трясется над ними хозяин, но не знает истинной им цены, ибо музыкально неграмотен. Спроси его об истории того или иного ансамбля, о сути какого-нибудь из направлений современной эстрадной музыки — ничего вразумительного в ответ не услышишь. Потому что вкусы его произрастали на потребительской основе. Почва же эта неглубока.

Печатаю сердитое письмо электросварщика из Москвы Павла Аверинова, мы надеемся, что в дискуссионной рубрике клуба «Музыка с тобой» пойдет откровенный, заинтересованный, серьезный разговор о формировании музыкального вкуса, о корнях «дисковой» болезни, о коллекционерах истинных и мнимых.

«К НЕМУ МЫ БОЛЬШЕ НЕ ХОДИМ...»

По вечерам он почти всегда дома. Ложится на диван, надевает стереофонические наушники, закрывает глаза. Он слушает музыку. Ему есть что слушать. На стене книжные полки, на которых теснятся кассеты. У него есть все. По крайней мере почти все, что можно достать.

Он встречается нас с неизменным выражением: опять пришли. Ну, ладно уж, послушайте. «Что поставить?» — спрашивает он, сдувая пылинки с магнитофона. Мы не слишком сведущи в вопросах модных групп и записей, что идут нарастают: «Поставь, что самому нравится».

Уже в который раз мы слушаем парижские записи Высоцкого и напевы какой-то заграничной не то Клавды, не то Саши. Он почти всегда молчит. Но однажды мы все-таки втянули его в разговор. И сами пожалели об этом. Во-первых, он не обладал даже малейшими намеками на какой-либо музыкальный слух, а во-вторых, и это самое ужасное, он, оказывается, и не знал, что стоит у него на полках, он с трудом отличал одну популярную группу от другой и в довершение всего не имел представления ни о направлении того или иного ансамбля, ни об истории его создания.

Он просто имеет все записи и дорогую аппаратуру. Его чут в «музыкальных» кругах как ценителя и знатока современной эстрадной музыки, а ему что «Бони М», что «АББА». Танцевать не умеет

совсем. Читает в основном детективы.

Его девушка, с которой он знаком уже шесть лет, как-то сказала нам: «Я устала. Устала от его вечных поисков: где достать диски, у кого переписать записи. Я устала от его убивающих грохотом наушников. Я для него не существую, ибо я не престижна. Ведь я не могу похвалиться такими «богатыми» полками».

К нему мы больше не ходим. Скучно. Теперь он встречается других, которым, может быть, с ним интересно.

Павел АВЕРИНОВ,
электросварщик, Москва

Рисунок Александра ШУРОВА

ЗАПИСКИ МУЗЫКИ

УЧИТЕЛЬНИЦЫ

Татьяна КУШЕВСКАЯ

Я часто думаю о том, как много добрых начинаний гибнет из-за формального к ним подхода, особенно если это касается такого тонкого и трудного дела, как музыкальное воспитание детей и юношества.

Шесть лет я проработала преподавателем детской музыкальной школы Ленска — небольшого города в Якутии. Они были очень разные, мои ученики: шустрые и озорные, как Валера Соини, добрые и мечтательные, как Женя Костюков, лобознательные и аккуратные, как Танечка Апаназова. Но все жили в своем детском мире, в котором «волшебное все, даже бумажный сор», и еще одна черта объединяла их: они с удовольствием начали заниматься в музыкальной школе. Это было ясно.

Неясности начались через несколько лет. Таня Апаназова бросила музыкальную школу. Валера Соини и Женя Костюков окончили ее даже неплохо, но на этом все и оборвалось, в музыкальное училище они поступать и не собирались... Статистика утверждает, что ежегодный отсев из музыкальных школ по всей стране составляет 20 процентов, а в музыкальные училища поступают только 16 процентов всех выпускников.

Когда-то Фурье говорил, что в каждом человеке заложено по крайней мере двадцать способностей. 20! Одну из них — музыкальную — призваны развивать педагоги. Что же получается на деле? Вроде бы сдаются академические концерты и технические зачеты, существуют уроки музыкальной литературы — идет все по программе, но почему же так плачевны результаты? Почему год за годом в ребенке тихо убивается стремление понять и постичь Музыку?

Музыкальное образование порой сродни задаче. Из пункта А вышел пешеход, из пункта Б вышел другой. Спрашивается, почему они не встретились? И бредет по дороге Музыка, ждет встречи с тем, кто любит ее. Состоится ли эта встреча? На девятую девять процентов это зависит от педагога. А педагог, оказывается, нацелен на технологию музыкального исполнительства, съедающую большую часть урока. На уроках музыкальной литературы учат ЗАПОМИНАТЬ — два часа на Моцарта, четыре часа на Бетховена, а хотелось бы, чтобы учили ДУМАТЬ, а главное — ЧУВСТВОВАТЬ («радость по Моцарту», «мышление по Бетховену»). По моему глубочайшему убеждению, надо менять всю систему музыкального воспитания. Ребенка «тащат» в музыку, перетаскивают из класса в класс, натаскивая только на исполнительские навыки. То же и в музыкальном училище. В результате неталантливый, бескрылый человек, который исполнителем не стал (это мало кому удается), становится педагогом. А это страшно.

Во многих письмах читатели задают нам вопрос: часто, мол, стали исполняться произведения Вивальди во всевозможных обработках, песня есть «Под музыку Вивальди...» — чем объяснима популярность композитора, долгое время бывшего в тени? Иные же читатели, как явствует из их вопросов, довольно приблизительно знают о Вивальди или — ничего, кроме фамилии и его причастности к музыке.

Уважаемые корреспонденты заочной летучки «Смены», вам отвечает музыковед Павел Ермишев.

ВИВА

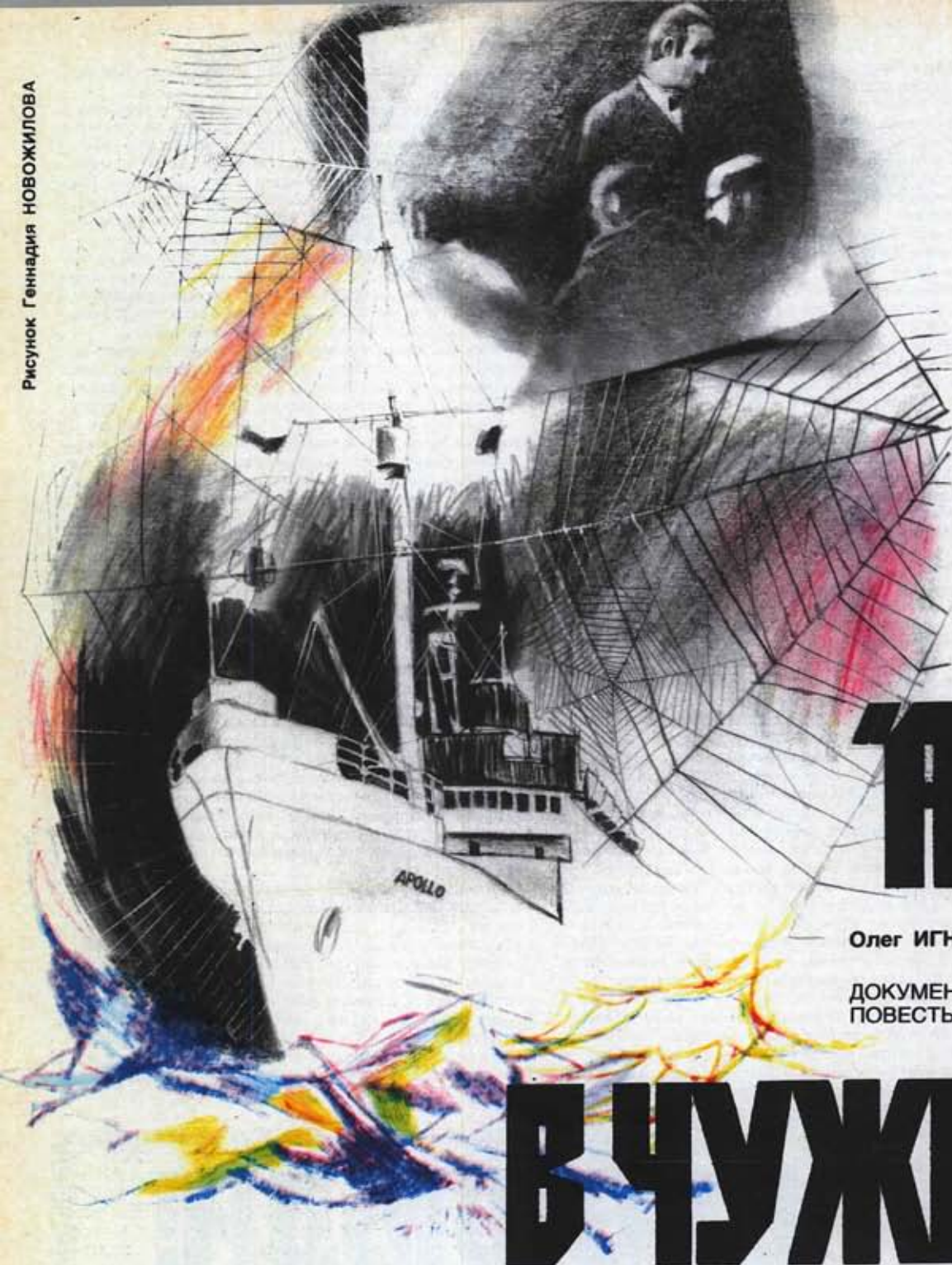
«грудной болезни», он не мог подниматься по лестницам, ходить пешком. Но огромная внутренняя энергия, воля и творческая одержимость заставляли этого тяжелобольного человека проводить работу, непосильную для большинства здоровых и крепких людей».

Еще в студенческие годы меня потрясла невероятная творческая плодовитость Вивальди. Особенно врезались в память две цифры: 465 инструментальных концертов и из них 221 для скрипки. Современники композитора уверяли, что он писал партитуру концерта быстрее, чем переписчики снимали с нее копию. А партитура трехактной оперы «Тито Манлио» была написана, согласно авторской пометке на рукописи, за пять дней. И хотя, справедливости ради, следует сказать, что в XVIII веке такая «продуктивность» скорее была правилом, нежели исключением — достаточно вспомнить 104 симфонии великого Гайдна, — все же количество произведений Вивальди, многие из которых были и остаются по сей день шедеврами, изумляет. Добавим, что интенсивная композиторская деятельность сочеталась с гастрольными выступлениями во Франции, Нидерландах, Австрии, Богемии (Чехии), с кипучей педагогической деятельностью: Вивальди в общей сложности 37 лет проработал в одной из лучших консерваторий Италии — венецианской женской консерватории «Пи-

Будучи в гостях у известного музыкального деятеля Бориса Васильевича Доброхотова, я увидел рукопись его монографии «Антонио Вивальди». Помнится, меня поразило начало книги, приковавшее внимание необычностью словесного портрета великого итальянского скрипача и композитора: «Современники называли его «рыжим попом». Он был мал ростом, с впалой грудью и узкими плечами; всегда был одет в черный костюм аббата с обтягивающим шею белым воротником. Большая, задорно откинута назад голова с длинными, падающими до плеч рыжими локонами. Лицо печального Труфальдино, одного из персонажей итальянской комедии масок, с большим покатым лбом, худыми щеками, огромным крючковатым носом и выступающим вперед подбородком. С юных лет Антонио Вивальди страдал припадками удушья. Будучи подвержен тяжелой

Так закончился последний визит шпионского судна ЦРУ в Португалию. С тех пор никто ничего об «Аполло» не слышал.

Да, кстати, небезынтересно узнать, что лиссабонские служащие-португальцы фирмы СИНДУКТА получили вскоре после провала шпионского заговора 28 сентября уведомления о прекращении деятельности СИНДУКТА, «так как в настоящее время в Португалии отсутствуют гарантии безопасности для иностранных компаний». Справедливости ради необходимо отметить, что португальцам выплатили причитающуюся им зарплату.

В первых числах октября Эберт Окун выехал в Троя, небольшое курортное местечко недалеко от Сетубала, где ему был зарезервирован комфортабельный номер в одном из отелей. По случайности одна из дверей номера Окун вела в смежный номер, занимаемый неким гватемальцем. Видимо, соседи быстро нашли общий язык, потому что то Окун заходил к гватемальцу поболтать, то гватемалец появлялся в номере Окун и засиживался у него до вторых петухов. Через трое суток Окун вернулся в Лиссабон, а гватемалец выехал на машине, направившись через Эвора к испанской границе, которую и пересек в районе Сао-Леонардо. В Бадахосе он заночевал, а вечером следующего дня вылетел из мадридского аэропорта Бадахос в Париж. Однако остановка в Бадахосе была вызвана не столько усталостью после длинной дороги, сколько необходимостью срочно переговорить с бывшим членом организационной комиссии распущенной либеральной

‘АПОЛЛО’ ИДЕТ В ЧУЖИЕ ВОДЫ

Олег ИГНАТЬЕВ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ПОВЕСТЬ

КОРРЕСПОНДЕНТ ЖУРНАЛА «Ю.С.НЬЮС ЭНД УОРЛД РИПОРТ»: «Вас критикуют за то, что на большинство ключевых постов в управлении вы назначили дилетантов, пришедших из других ведомств. Почему вы так поступили?»

ДИРЕКТОР ЦРУ АДМИРАЛ СТЕЙНСФИЛД ТЭР-НЕР: «Я привлек отнюдь не дилетантов, а опытных людей. Заместитель директора ЦРУ Фрэнк Карлуччи, например, до получения высокого поста в ЦРУ занимался разведывательной работой, когда был послом (в Португалии.—О.И.) и руководил командой, действовавшей в стране».

«Ю.С. ньюс энд Уорлд рипорт»,
7 мая 1979 года

Вероятно, с тех времен, когда Жоао Гонсалвиш Сарко и Тристао Вас Тейшейра открыли в 1419 году Мадейру, островитяне не видели таких демонстраций, какая прошла в Фуншале вечером 3 октября 1974 года. Несколько тысяч людей, собравшихся на муниципальной площади главного города острова, направившись после митинга в порт. Колонна прошла по улице Жоао Тавира, затем свернула на засаженную деревьями жакаранда авеню Арриага, потом вышла на авеню ду Мар, и на всем пути к ней присоединялись новые сотни жителей Фуншала.

Демонстранты шли и скандировали лозунги. Если быть точным, скандировали один и тот же лозунг: «Аполло» — шпион, убирайся вон!»

«Аполло» стоял у стенки порта Фуншал. Вахтенный у трапа, зевая, скучающим взглядом провожал фланкировавшие по набережной парочки. В это время на территорию порта торопливо вошли двое мужчин и

направились к трапу. Вахтенный узнал служащих мадейского филиала СИНДУКТА.

— Эй, вахтенный, — крикнул один из них, — быстрее позови дежурного офицера, пусть немедленно прикажет поднять трап. Через несколько минут сюда заявятся демонстранты. Видишь, там, вдали, движется по набережной толпа? Так это к вам в гости. Держитесь, сейчас здесь будет довольно жарко...

Служащие СИНДУКТА ушли, а вскоре причал заполнили демонстранты. Однако трап уже подняли, и связь с берегом прервалась. Участники демонстрации опять начали скандировать: «Аполло» — шпион, убирайся вон!», некоторые даже попытались по причальным канатам влезть на борт «Аполло», но экипаж яхты развернул на палубах брезентовые шланги и стал поливать толпу из брандспойтов. В ответ полетели бульжники. Трудно сказать, чем бы все это закончилось, но вскоре появился отряд полицейских во главе с лейтенантом, который поднялся на борт «Аполло» и предупредил капитана Робертсона, что если яхта не поднимет якоря, то он, лейтенант, снимает с себя всякую ответственность за то, что может произойти.

Робертсон попросил полицейского чина дать согласие на погрузку имущества СИНДУКТА, обещая после этого немедленно покинуть португальские территориальные воды. Демонстрантам сообщили о достигнутом соглашении, и те разошлись по домам, хотя некоторые горячие головы требовали тут же, немедленно двинуться к СИНДУКТА и «разгромить это шпионское гнездо».

Около полуночи к причалу подъехал грузовик, нагруженный сейфами и железными шкапами. С помощью корабельной лебедки груз переправили на борт яхты, и на рассвете «Аполло» покинул порт Фуншал.

партии, бывшим прапорщиком отрядов «командос» Франсиску Шавьером Дамиао Браганса Ван Дуненом по прозвищу «колумбиец».

16 октября Франсиску Ван Дунен был задержан португальской пограничной службой в Сан-Леонардо, так как не имел при себе никаких документов, но последовал телефонный звонок из Лиссабона от одного высокопоставленного лица, и «колумбийца» немедленно отпустили, после чего за оставшиеся дни сентября он три раза беспрепятственно пересекал в обоих направлениях португало-испанскую границу.

Эберт Окун после возвращения из Троя послал обширную депешу начальству, в которой, естественно, не описывал в восторженных выражениях красоты местных ландшафтов, а докладывал о сугубо прозаических вещах — планах очередного заговора против демократической Португалии.

Параллельно разрабатывались две операции. За первую отвечала военная разведка, и в ней ключевую роль играл уже однажды обанкротившийся Спинола. Во главе второй, которую опекало ЦРУ, стояла группа фашистских элементов, в том числе бывших военных салазаровской армии.

Назначенный на пост государственного секретаря США и принявший присягу 22 сентября 1974 года Генри Киссинджер взял под свой контроль подготовку всех акций, разрабатываемых для Португалии различными разведывательными службами Соединенных Штатов.

В конце октября Киссинджер направил в Лиссабон специальную миссию, наделенную большими полномочиями для «инспекции» деятельности посольства США в Португалии и выработки соответствующих рекомендаций. В состав миссии входили директор Иберийского отдела государственного департамента

няю: Барабанщиков — мой знакомый. Не приятель, не друг — просто знакомый. Уточню: несколько раз он оказывал мне услуги — реставрировал иконы. У меня большая коллекция...

Корнилов кивнул.

— Вот-вот. Вы имели честь... Несколько месяцев тому назад я дал Барабанщикову на реставрацию три редких экземпляра. — Он подумал немного и добавил: — Нет, прошло уже больше времени. Больше года.

Игорь Васильевич пометил на листке бумаги: «3 иконы?»

— Вчера вы приходите ко мне и показываете фотографию Олега Анатольевича. Так сказать, мертвого... — Он свел морщины на лбу. Откашлялся. — Понимаю ваше недоумение, но на фото Барабанщикова я сразу не узнал. Потом, когда вы ушли, меня вдруг осенило... Я решил проверить — это так естественно. Не правда ли?

— Продолжайте, продолжайте, — кивнул Игорь Васильевич. — Не прот Арстарх Антонович, не прот! — подумал он. — Логично излагает».

— Телефона у Барабанщикова нет. Я поехал на машине. Ключ от дома Олег мне дал давно. Иногда я приезжал в его отсутствие отдохнуть. Увидев, что дом пустой, понял: случилось несчастье. Я не обозначался — на фото Олег мертвый? Вы понимаете, товарищ...

— Корнилов.

— Товарищ Корнилов. Когда начинаешь волноваться — всегда делаешь ошибки. Олег умер, подумал я. Приедут родственники. Они живут в Пензе. Имущество разделят. Иконы выбросят или продадут. Как я докажу, что это мои иконы? Как? — Он развел

руками. — Ну вот! Я решил их забрать, мои иконы. В это время приехали ваши товарищи.

— Иконы отреставрированы?

— Что? Ах да, иконы. Уже отреставрированы. Я могу заплатить родственникам за работу Олега Анатольевича.

— Арстарх Антонович, у вас с Барабанщиковым есть общие знакомые?

— Кого вы имеете в виду?

— Общих знакомых. Людей, которые бы знали и вас и Барабанщикова.

— Есть, конечно.

— Кому-то из них можно сейчас позвонить?

— Сейчас? — Платонов посмотрел на часы. — Можно. Только я...

Корнилов протянул ему записную книжку, изъятую во время задержания. Арстарх Антонович начал листать.

— Вот, хотя бы Рассказов Петр Горемирович. Доктор наук. Коллекционер. Вас соединить с ним? — Платонов потянулся к телефону. Корнилов остановил его.

— Звонить не надо.

— Тогда зачем же? — удивился Арстарх Антонович.

— Почему вы не позвонили Петру Горемировичу? Не заинтересовались у него, не случилось ли чего плохого с Барабанщиковым, а поехали сразу за иконами?

— Понимаете ли... — Арстарх Антонович опять выпятил губу, и Корнилов подумал, сдерживая улыбку: «За хороший крючок ты зацепился своей толстой губой, милый».

— Все-таки иконы мои! — выдохнул Платонов.

— Ну хорошо. Иконы так иконы, — согласился Игорь Васильевич. — Вам хотелось потихоньку забрать свои иконы, — он нажал на слове «свои», — без лишней огласки?

Платонов кивнул.

— Но вот фотографии, которые сделали сегодня утром наши сотрудники в доме Барабанщикова. — Он положил перед Платоновым несколько больших фотографий коллекции икон, развешенных на стене. Среди икон явно выделялось шесть пустых мест. В самом центре стены. «А, кстати, почему пустых мест шесть? — подумал подполковник. — Ведь в «дипломате» их было три?»

— Видите, Арстарх Антонович, не хватает шести икон. Там, где они висели, обои потемнее — не выгорели. По размеру сюда как раз подходят и те, что изъяли у вас. Неужели Барабанщиков развесил бы чужие иконы? И потом... Вы не знаете, куда делись еще три иконы? Может быть, не только вы приходили за своим имуществом?

— Он был бесчестным человеком, — упрямо сказал Платонов. — Он присвоил три мои иконы. Три я и взял!

— Арстарх Антонович, не нужно ухудшать свое положение. Чем дальше в лес... А вдруг найдутся люди, которые видели эти иконы у Барабанщикова? Я не исключаю, что найдем мы и тех, у кого он купил эти иконы. Вот с этим ключом тоже... — Игорь Васильевич взял в руку длинный ключ со сложной бородкой. — Вы говорите, что Барабанщиков дал вам его в пользование. Приезжай, отдыхай... А ключ от калитки он почему вам не дал? Через забор-то неприлично старшему инженеру лазить.

Платонов опустил голову на ладони, с силой провел

Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

Рисунок Олега БРИКА

Рисунок Игоря СУРОВЦЕВА

Рисунок ЮНАКА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ Под редакцией международного арбитра, заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

23 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА СМЕНЫ

Продолжение. Начало см в №№ 1, 2 ТРЕТИЙ ТУР

Белые начинают и дают мат в два хода (1 балл).

Ход черных. Каким путем они добиваются победы? (2 балла).

III I. b4. Как впервые и кем было названо это начало? (1 балл).

Белые начинают и дают мат в три хода (2 балла).

Ход черных. Могут ли они достичь «ничейной гавани» в этом трудном для них положении? (3 балла).

I. Kf3 Kc6 2. e4 e5 3. Cc4 Ce7. Каково наименование этого дебюта? (1 балл).

Ответ на каждое из указанных выше шести заданий следует присылать в адрес нашей редакции на отдельной открытке, используя сокращенную шахматную нотацию. В левом верхнем углу почтовой карточки необходимо сделать пометку «23-я шахматная олимпиада «Смены», а также сообщить номера тура и свой регистрационный. Запомните, пожалуйста, что письма на третий тур нужно отправлять не позднее 30 апреля, а на четвертый — 10 мая 1981 года.

НЕ УСТУПАЯ МУЖЧИНАМ

Немало творческих удач было и у шахматисток на последнем женском чемпионате страны, состоявшемся в Алма-Ате. Причем содержательной игрой порадовали не только гроссмейстеры во главе с чемпионкой СССР ленинградкой Ириной Левитиной, а и молодые участницы соревнования. Думается, читателям «Смены» понравится комбинационный фейерверк, устроенный ленинградкой Еленой Беловой в ее партии против москвички Тамары Миногойной.

К такому положению соперницы пришли после 18-го хода черных. Изобретательно и тонко лавируя, белые, которыми играла Е. Белова, подготавливают штурм не успешного рокироваться черного короля.

19. e4—e5! Ce7:d6 20. e5:d6

Фb6—b4 21. Cf1—g2 Kpe8—f7 22. Kc3—e4! Kf6:e4 23. Cg2:e4 g7—g5 24. Ld1—f1! Фb4—c5.

Черные предпринимали попытку парировать пренебрежительную жертву ладьи, нависшую над их королем. Однако намеченную эффектную комбинацию белые вскоре все же осуществляют. Стремительная атака белых фигур на неприятельского короля смотрится отлично!

25. b2—b4! Фc5—d4 26. c2—c3 Фd4:d6 27. Lf1:f6 +! Kpf7—e7 28. Фg3:g5 Ld8—g8 29. Lf6—g6 + Kpe7—e8 30. Lg1—d1! Фd6—e7 31. Ce4:c6 + Kpe8—f8 32. Фg5—f4 + Ce6—f7 33. Фf4—b8 +, и черные признали свое поражение.

Изысканную задачу-четыреходовку составила шахматный композитор из Ровно Надежда Лентьева. Попробуйте найти замысловатое решение.

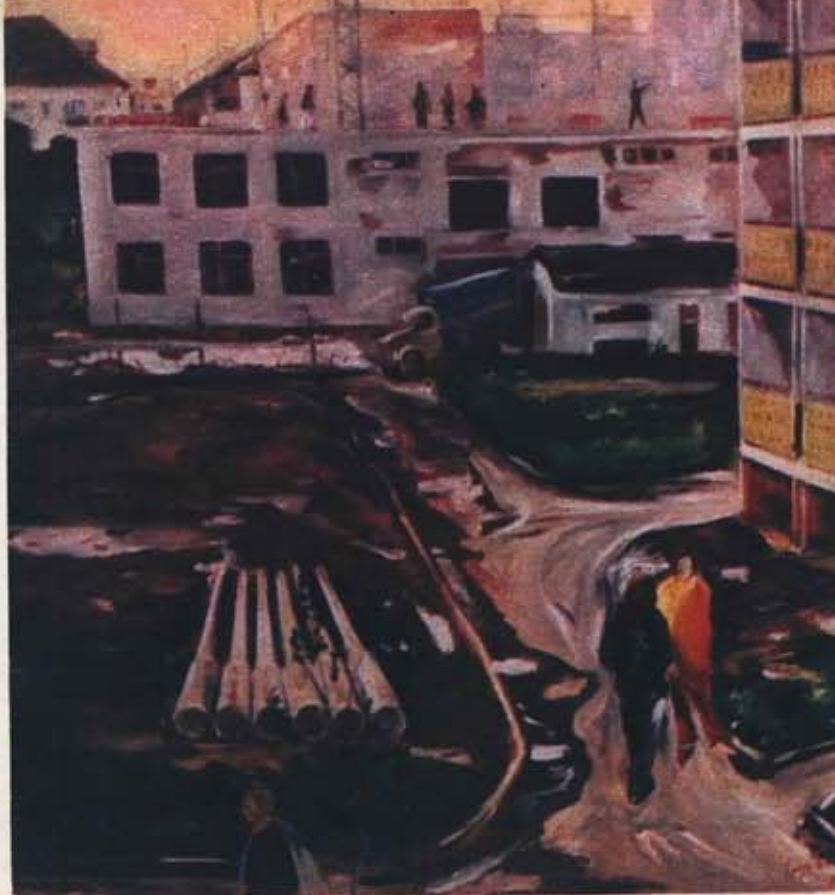

ИЗ СОЛНЦА И СВЕТА

Есть художники, которые сразу привлекают внимание. Именно к ним принадлежит молодой художник Юрий Арбузов.

Рос он в семье сельского учителя. С детства словно бы впитывал неброскую красоту орловской природы, дышал хмельным, пахнущим травами воздухом. Со временем перенес эти впечатления на картины. Даже портреты его кисти поражают воздушностью и возвышенностью.

У Арбузова было много любимых художников, привязанности эти менялись, но постоянное чувство восхищения он испытывает к Сурикову. В четвертом классе родители взяли его с собой в

ПОСЛЕ ДОЖДЯ
В НОВОМ МИКРОРАЙОНЕ.

МОЛОДАЯ КОЛХОЗНИЦА.

пейзажах Юрия Арбузова. «Утро на Малой земле». Зеленовато-голубые тона подчеркивают раннюю прохладу, когда из-за гор еще не взошло солнце. Сонные волны лениво плещутся о борта спящих судов, холодный воздух густ и прозрачен. И, кажется, пройдет несколько минут и золотые дорожки света побегут по воде, вспыхнут в иллюминаторах, заиграют на медных поручнях солнечные зайчики.

На зональной выставке «Край черноземный» внимание многочисленных зрителей привлекла работа Арбузова «Конец октября». Художник запечатлел уголок старого Орла. Багрец и золото осенних красок поблекли, потускнели.

До весны умолк птичий гомон, шум листвы. Прощание с летом умиротворяюще. Город готовится встретить зиму.

Рассказ о Юрии Арбузове был бы неполным, если не упомянуть о его общественной работе, без которой, как и без творчества, художник себя не мыслит. Юрий часто выступает с лекциями, беседами перед рабочими Орловского завода управляющих вычислительных машин, на котором работает художником-оформителем, ведет секцию самодеятельных художников, читает лекции по эстетике, о современном искусстве.

Игорь БУРКОВ

УТРО НА МАЛОЙ ЗЕМЛЕ.

Москву и повели в Третьяковскую галерею. «Боярыня Морозова» поразила мальчика своим драматизмом, накалом страстей, внутренней болью. Тогда он решил: буду рисовать, как Суриков.

После школы Арбузов поступил на художественно-графический факультет Орловского пединститута. Три года проработал преподавателем художественного училища в Чечено-Ингушетии. И все время совершенствовал мастерство.

«Автопортрет». Художник как бы выходит из вечернего сумеречного света. И в то же время белый контур резко отделяет его, золотоволосого, от серости умирающего дня. От смуглого лица, от рыжеватой шевелюры даже густая синь начинает золотиться. Художник как бы является продолжением пропавшего за горизонтом солнечного света. Совсем иначе смотрится «Молодая колхозница». Бронзоволикая, темноглазая женщина погружена в свои думы. Гордый лоб, волевой рот, мужественный разлет бровей... И зритель понимает: нет ничего на свете, что бы не смогла выдюжить, вынести на своих плечах эта русская женщина.

Особенно хочется остановиться на

МУЗЫ.

В ЛЕТНЕМ САДУ.

